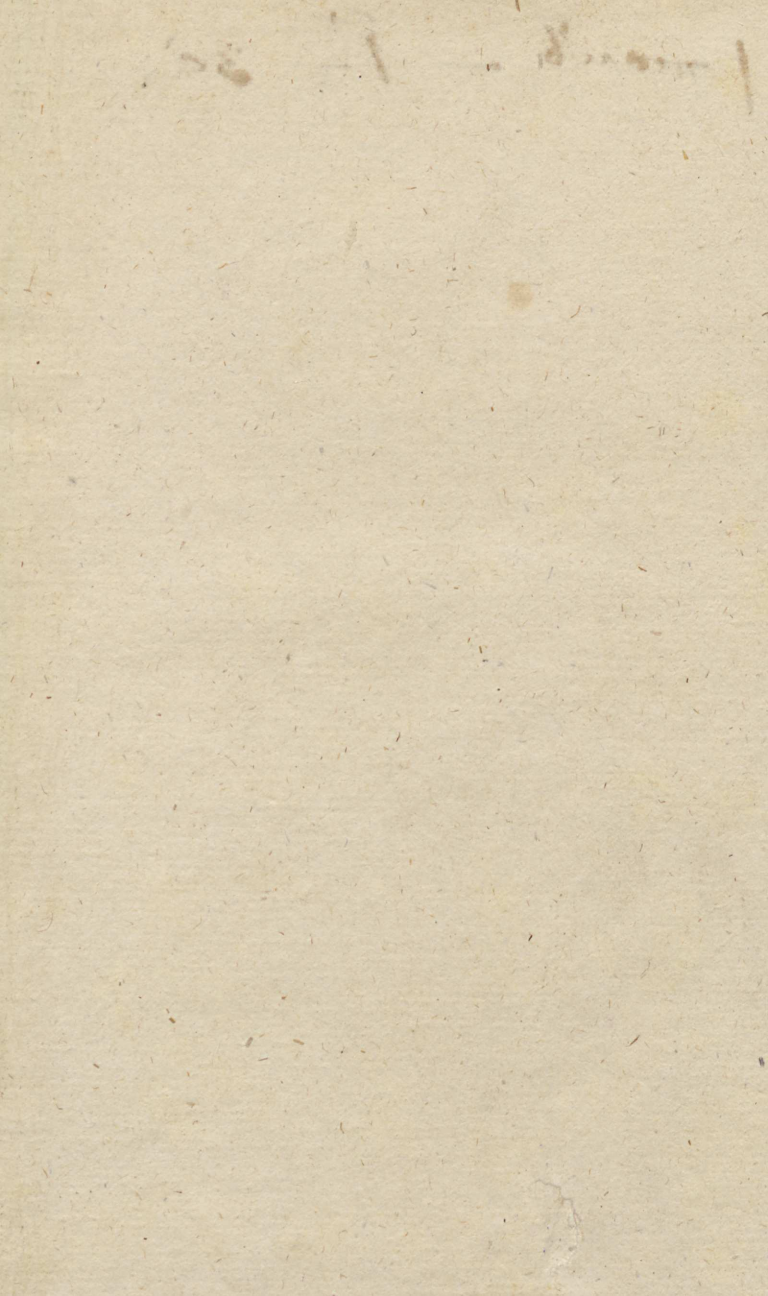

…213
…года.

1 томъ — 1ст — 30ᵏ

МИРЪ
ЕВРОПЫ
ИЛИ
ПРОЕКТЪ
ВСЕОБЩАГО ЗАМИРЕНІЯ.

МИРЪ ЕВРОПЫ

Не можетъ иначе возстановиться, какъ только по продолжительномъ перемирїи,

ИЛИ

ПРОЕКТЪ
ВСЕОБЩАГО ЗАМИРЕНЇЯ,

Сопряженнаго купно со отложенїемъ оружїй на двадцать лѣтъ между всѣми политическими державами.

Переведено съ французскаго языка въ станѣ предъ Очаковомъ въ 1788 году, въ теченїе солнца чрезъ небесные знаки ♎, ♏, ♐, ♑.

Печатано съ дозволенїя указнаго у Вильковскаго.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ 1789 года.

Тогда народы до совершеннаго достигнутъ благополучїя, когда въ ихъ государствахъ премудрые люди будутъ Царями или Цари ихъ содѣлаются премудрыми людьми.

Жизнь Марка Аврелїя, стр. 140.

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ

Двора ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Гофмейстеру, Тайному Совѣтнику, Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Второму Присудствующему, надъ Почтами въ Государствѣ Главному Директору, Коммисіи о Дорогахъ Члену,

и

Орденовъ Св. Александра Невскаго и Св. Равно-Апостольнаго Князя Владимира I степени Кавалеру,

ГРАФУ АЛЕКСАНДРУ АНДРЕЕВИЧУ БЕЗБОРОДКУ,

МИЛОСТИВОМУ ГОСУДАРЮ!

СІЯТЕЛЬНѢЙШІЙ ГРАФЪ!

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

Чувствованія благодарности за благотворенія, оказанныя Вашимъ Сіятельствомъ прежде родному моему брату, яко моему воспитателю, а послѣ собственно и мнѣ, побудили меня посвятить Имени Вашего Сіятельства толико маловажной трудъ,

трудъ, каковъ есть переводъ книги сея: совершенно буду я за то награжденъ, если Ваше Сїятельство удостоите оной благосклоннаго принятїя, пребывая съ глубочайшимъ высокопочитанїемъ

ВАШЕГО СІЯТЕЛЬСТВА!

Милостиваго Государя!

Всепокорнѣйшїй слуга,

Р. Ц.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ

отъ

Издателя.

Бесѣда Ученыхъ была причиною сего сочиненія.

Писатель, выпустившій оное въ свѣтъ, сказалъ нѣкогда въ собраніи Политиковъ, что всеобщій миръ не можетъ иначе возстановиться, какъ по продолжительномъ перемиріи.

Мысль сія показалась новою; почему и требовали отъ него подробнаго въ томъ объясненія.

Потому, *отвѣчалъ онъ*, что общія наши войны весьма продолжительны были: и что теперь дѣла въ Европѣ такъ запутаны, что Политика наша никакъ не можетъ ихъ распутать.

Потому, что всѣ Государи, по образу ихъ разсужденій о дѣлахъ, имѣютъ обоюдно между собою право во взаимныхъ своихъ несогласіяхъ.

Одним словомъ потому, что нѣтъ вышшаго суда въ нашемъ политическомъ свѣтѣ, кромѣ пушечнаго ядра.

X.

Но сіи затрудненія, которыя поставляете вы за непреодолимыя, будутъ ли они менѣе значить въ проектѣ всеобщаго замиренія, сопряженнаго купно со отложеніемъ оружій?

Всеконечно, *отвѣчалъ сочинитель безъ всякаго колебанія.*

Его спросили почему?

Потому, что менѣе стоитъ труда миротворческому уму, *продолжалъ онъ*, отложить на время политическія несогласія, нежели ихъ кончить вдругъ рѣшительно: и что по долгомъ времяни, въ которое всѣ непріятельскія дѣйствія были пресѣчены какъ съ одной такъ и съ другой стороны, гораздо удобнѣе рѣшить государственные споры, нежели вдругъ воспятить имъ въ воспріятіи прежняго ихъ дѣйствія.

Потому, что во время, какъ военное такъ и мирное, все зависитъ отъ перваго движенія: и что человѣки, составляющіе правительства политическія, суть ору-

дія (*), кои, будучи тронуты съ извѣстнаго мѣста, имѣютъ извѣстное свое и направленіе; но ежели тронуты будутъ съ другаго мѣста, то возъимѣютъ и другое направленіе.

Но твердо ли вы увѣрены въ томъ, что, для доставленія Европѣ мира, не остается другого, кромѣ сего средства?

Такъ я мыслю, *отвѣчалъ онъ.*

Дайте-же намъ послѣднее еще на то объясненіе ваше? сказало къ нему общество.

Вотъ вамъ и оное, *отвѣчалъ сочинитель:* для приведенія машины въ прежней ея порядокъ, коея главныя пружины чрезъ долгое время были повреждены, должно сперва остановить главное ея движеніе; безъ чего, всегда будетъ она итти въ прежнемъ своемъ безпорядкѣ.

Точно такъ должно поступать и съ раздорами Европейскими, *продолжалъ онъ,* коихъ иначе кончить не можно, какъ отложивъ ихъ на время.

ПРЕ-

(*) Физически говоря.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Отъ

Сочинителя, служащее вмѣсто вступленія.

Всякой день печатается множество книгъ, въ которыхъ показаны бываютъ способы и средства для размноженія народа, для распространенія торговли, для приведенія въ совершенство художествъ и для усугубленія рачительности въ рукодѣліяхъ каждаго норода; но почему не издаются въ свѣтъ сочиненія такія, которыя бы изъяснили намъ такую вещь, въ коей всѣ человѣки вообще наиболѣе пріемлютъ участія, то есть: въ политическомъ спокойствіи Европы.

Однакожъ весьма явственно то, что, отъ установленія таковой системы, зависитъ удача и всѣхъ прочихъ.

Можно въ самомъ дѣлѣ доказать геометрически, что ничего не будетъ до толѣ надежнаго, пока человѣческая

ская жизнь пребудетъ игралищемъ удачнаго случая, и доколѣ истребленіе рода человѣческаго будетъ зависѣть отъ упорства войны и жребія оружій.

Все будетъ въ свѣтѣ колеблемо, ежели правительства политическія не возъимѣютъ твердаго основанія, и если всякая бездѣлка, во всякое время, возможетъ испровергать государства и истреблять народы.

Правда, что воображеніе теряется и разумъ мятется, если помыслишъ о сближеніи пользъ всѣхъ государствъ въ одну точку соединенія.

Ибо толикое есть множество умовъ различныхъ, толико намѣреній между собою противныхъ, толико государственныхъ пользъ противуборствующихъ одни другимъ, что миротворческій умъ никакъ не можетъ пополнить тѣхъ промежутокъ, которыя оставляютъ они по себѣ.

Всѣмъ извѣстно, что политическая система Древнихъ менѣе была запу-

запутана, нежели теперешнихъ правительствъ.

Съ самаго установленія первыхъ въ свѣтѣ правительствъ всегда почти видѣли и видимъ, что многочисленный народъ, завладѣвъ всеобщею властію, разрушаетъ союзы всѣхъ малыхъ государствъ, кои по своимъ мѣстамъ пребывали въ нѣкоторомъ родѣ разслабленности и безъ движенія.

Въ нынѣшнія-же времяна менѣе находится неравенства во всеобщемъ раздѣлѣ власти; а сіе то самое и наноситъ болѣе препятствій во всеобщей системѣ замиренія; ибо могущество государствъ, будучи менѣе несоразмѣрно, (*) содѣлываетъ гораздо труднѣе проектъ соединенія, потому что всякое государство имѣетъ въ себѣ самомъ, или всегда думаетъ имѣть силу почти равную силѣ своего сосѣда.

Но

(*) Сіе должно разумѣть о государствахъ, находящихся между собою въ смежности.

Но затрудненіе во всеобщемъ соглашеніи главныхъ пользъ никакъ не предполагаетъ невозможности въ удачѣ.

Что въ Политикѣ подлинно существуетъ система всеобщаго мира, сіе неоспоримо: а все искуство состоитъ только въ томъ, чтобъ умѣть систему сію открыть.

Но какимъ бы образомъ ни было, только связь и порядокъ въ Европѣ существуютъ въ самомъ дѣлѣ; утверждать-же, что оныя не могутъ въ ней быть совмѣстны, значитъ то самое, какъ бы и сказать, что нѣтъ никакого въ естествѣ порядка и связи, поелику иногда примѣчаются воономъ безпорядочныя явленія.

Самая уже мысль о войнѣ раждаетъ въ насъ ясное понятіе и о мирѣ; но полагать, что люди, по естественному своему состоянію, должны непрестанно вести между собою брани, значитъ глупость и безуміе.

Правда, что всѣ Государи находятся теперь не въ естественномъ,

а принужденномъ состоянiи, и притомъ большая часть изъ нихъ въ такихъ обстоятельствахъ, что съ наилучшими ихъ распоряженiями, къ миру клонящимися, часто бываютъ принуждены вести войну. Однако, какiя бы последствiя ни выводили изъ политической системы, связывающей теперь между собою народы, явственно после всѣхъ ихъ будетъ то, что, дать Европѣ миръ, отъ тѣхъ самыхъ зависитъ, кои Европою управляютъ.

Если мы бросимъ взоръ на первобытное состоянiе дѣянiй, то подлинно увидимъ, что общiя смятенiя политическаго нашего свѣта происходили отъ чрезвычайнаго честолюбiя и тщеславiя малаго между народомъ числа людей. И такъ, посколику сiи бываютъ непосредственною причиною войны, то равнымъ образомъ они же могутъ быть и содѣтелями мира.

Мнѣ кажется, что причина, скрывавшая наиболѣе отъ насъ познанiе средствъ, могущихъ доставить

всеобщее спокойствїе и тишину, состоитъ въ слѣдующемъ предразсужденїи, господствующемъ въ политическомъ свѣтѣ:

Поелику, во всѣхъ государствахъ, общїй департаментъ Политики обыкновенно присвояется классу смертныхъ, государственными министрами называемыхъ; то и думаютъ, что они только одни въ оной свѣдущи: разсужденїя-же о сей матерїи прочихъ Подданныхъ всегда почти за небылицу прїемлются.

Но ето бы могло быть только тогда, когда государства содѣлывали, такъ сказать, особенныя свѣты, и когда каждое общество имѣло свою власть въ себѣ самомъ и для себя только одного, о которой другїя весьма мало вѣдали.

Тогда то министръ каждаго государства имѣлъ только самъ, такъ сказать, ключь государственной Политики.

Но современи воспослѣдовавшей въ Европѣ всеобщей связи (какъ-то всякъ знаетъ о степенѣ населенїя

 лю-

людей, о числѣ войскъ, о доходахъ, о рукодѣлїяхъ и торговлѣ всѣхъ народовъ вообще) Политика учинилась наукою какъ для частныхъ людей, такъ и для государственныхъ министровъ. Тщетно стараются Дворы показывать виды, яко-бы хранятся у нихъ тайности: Кабинеты теперь прозрачны: нѣтъ болѣе тайностей въ государствахъ. Предпрїятїя монарховъ (*) всегда чинятся предъ лицемъ цѣлаго свѣта.

Тѣ

(*) „Кажется, говоритъ писатель о вели-„чїи и паденїи Римлянъ, что великїя „предпрїятїя гораздо труднѣе произ-„водить у насъ въ дѣйство, нежели „какъ то было у Древнихъ: да никакъ „не можно оныхъ и сокрыть, поелику „сообщенїе между народами есть теперь „такое, что всякой Государь имѣетъ „своихъ министровъ при всѣхъ дворахъ, „и можетъ чинить переговоры во всѣхъ „Кабинетахъ. Изобрѣтенїе почтъ дѣ-„лаетъ то, что новости вездѣ лѣтаютъ. И какъ важныя предпрїятїя не могутъ въ дѣйство производимы быть безъ денегъ, а со времяни изобрѣтенїя векселей купцы или банкеры наиболѣе денегъ

XIX.

Тѣ, кои управляютъ государствами, хотя и могутъ нѣсколько затмить вторыя причины; но всегда открываются первыя: однимъ словомъ, Политика такъ какъ и Геометрія подлежитъ теперь доказательствамъ: это дѣло есть изчисленія, въ которомъ не можно уже болѣе ошибаться.

Сколько соглашеніе пользъ Государей ни здѣлалось затруднитель-

---

имѣютъ въ своихъ рукахъ, то ихъ дѣла всегда сопряжены съ тайностями государственными, да они никогда и не упускаютъ случая въ оныя проникать.

Различіе въ обмѣнѣ денегъ, безъ обыкновенныхъ причинъ, заставляетъ многихъ людей доискиваться причины оному, которую они наконецъ и открываютъ.

Изобрѣтеніе книгопечатанія, доставляющаго всѣмъ людямъ разныя писанія въ руки; изобрѣтеніе гравированія, учинившаго географическія карты толь извѣстными и общими; и наконецъ, учрежденіе вѣдомостей политическихъ, суть способы, доставляющіе каждому грамотному человѣку свидѣнія о пользахъ общихъ: а чрезъ то самое легко узнать можно и тайныя дѣла.

нымъ, столько Политика теперь стала быть наукою всѣмъ извѣстною. (*)

Художества и науки единственно споспѣшествуемы были частными людьми.

Они-то измѣрили землю, и установили систему небесную.

Самыя могущїя монархи обязаны имъ за величїе свое; ибо, безъ успѣховъ въ наукахъ, художествахъ, рукодѣлїяхъ и торговлѣ, многїя государства, играющїя теперь первыя роли, находились бы еще въ ничтожествѣ, изъ коего они ихъ извлекли.

Для чегоже не позволятъ имъ, учинить открытїй въ сей наинужнѣйшей изо всѣхъ наукъ? въ которыхъ открытїяхъ не только прїемлетъ участїе каждое правительство, но и вся Европа вообще.

Под-

(*) Въ Англїи члены парламентовъ спрашиваютъ иногда совѣта у простыхъ людей въ самоважнѣйшихъ дѣлахъ.

Подлинно, что весьма много есть въ Европѣ знающихъ людей при статскихъ должностяхъ; однако, хотябы управляющїе государствами министры и ничего не дѣлали, какъ только что стояли у самаго источника, изъ коего почерпали бы они знанїе о великихъ и важныхъ въ свѣтѣ дѣлахъ, и получали, такъ сказать, мысли другихъ людей съ первой руки, чего уже одного довольно ко обогащенїю ихъ разума обширнѣйшими свидѣнїями; то все еще чрезвычайно заблуждаютъ тѣ, кои думаютъ, что имъ только однимъ знанїе сїе свыше влїяно, и что, ежели дѣло касается до отвращенїя всеобщихъ смятенїй, они единственно только одни находятъ болѣе къ тому средствъ, нежели прочїе человѣки,

Сверхъ того часто бываетъ подозрительно и то, что бы самая исправляемая ими должность не была препятствїемъ во исполненїи оной порядочнымъ образомъ.

Собственныя дѣла министровъ обыкновенно сопряжены съ государ-

ственными, коими они правятъ, столь тѣсно, что не могутъ они дѣйствовать съ хладнокровіемъ въ общественныхъ принадлежностяхъ.

Свободной и ни къ чему непривязанной человѣкъ, которой не участвуетъ въ дѣйствіи великихъ произшествій, имѣетъ въ томъ предъ ними преимущество: по крайней мѣрѣ, ежели онъ и не имѣетъ свидѣній толь обширныхъ, почти всегда не зараженъ предубѣжденіями, кои обыкновенны великимъ особамъ, при должности находящимся.

Какъ бы то ни было, только проектъ о доставленіи твердаго и непоколебимаго Европѣ мира не есть новой. Генрихъ IV. король Французкой образовалъ его.

Нѣкоторые политическіе писатели нашихъ временъ также говорили о сей матеріи, (*) да и всѣ вообще наши трактаты заключенные

(*) Между прочими Аббатъ де Сентъ Пьеръ.

ные при окончанїи нашихъ браней, во все продолженїе столѣтїя сего, твердятъ о непоколебимой и ненарушимой тишинѣ.

Можетъ-быть положилибы наконецъ твердое основанїе замиренїю, еслибы не было несовершенства въ самой системѣ переговоровъ, употребляемыхъ для достиженїя до онаго.

Если дѣло дойдетъ до прекращенїя всеобщей войны, то обыкновенно учреждается Конгрессъ, на которой всѣ Государи посылаютъ своихъ министровъ для содѣйствїя (какъ то они всегда говорятъ) во утвержденїи тишины всеобщей.

Великое бываетъ притомъ нещастїе то, что всякъ туда привозитъ съ собою планъ къ миру, единственно относящїйся къ частному благополучїю его государства, и къ главнымъ намѣренїямъ для возвеличїя онаго.

Всѣ, въ политическихъ собранїяхъ, говорятъ тамъ о частныхъ дѣлахъ, и никто на Конгресѣ не начинаетъ производить дѣла, касающїяся до всеобщей Республики. Никогда

когда не чинятъ тамъ переговоровъ о дѣлѣ общественномъ: и ничемъ болѣе на оныхъ не занимаются, какъ только тѣмъ, что дѣлаютъ между собою затрудненія въ производствѣ дѣлъ.

Можно сказать, что большая часть изъ самодержавцевъ приняли за непоколебимое государственное правило то, что бы учиниться могущими, не зависимо отъ всеобщей власти, и что каждой Государь нѣкоторымъ образомъ увѣренъ въ томъ, что величіе его зависитъ отъ разрушенія величія Европы.

Хотя уже протекло болѣе ста лѣтъ, какъ продолжавшіяся почти безпрестанно войны раззоряютъ государства; однако переговоры не пресѣклись, и можетъ-быть по тому они не прекратились, что войны продолжаться не перестаютъ.

Какъ каждая власть, на Конгресахъ, всегда имѣетъ вліяніе на заключеніе мира по мѣрѣ тѣхъ преимуществъ, каковыми она пользовалась во время войны; то и тѣ державы,

кои

кои наиболѣе имѣютъ средствъ ко утвержденїю общей тишины, также наиболѣе находятся и въ состоянїи, оную нарушить; а по сему большая часть самыхъ мирныхъ договоровъ есть ничто другое, какъ преддверїе, которое безпрестанно предпоставляется для чиненїя новыхъ притязанїй, а посредствомъ сихъ, для возбужденїя новыхъ смятенїй.

Теперь можетъ-быть уже не время, возстановить всеобщую тишину таковыми средствами, какїя бы можно было употребить за двѣ стѣ лѣтъ.

Для доставленїя ненарушимаго Европѣ мира, должно сперва испровергнуть Олтари ложнаго политическаго Божества, которому всѣ Кабинеты съ давнихъ временъ приносятъ жертвы.

Должво разрушить узы предубѣжденїй, приковавшихъ государства къ мятежной Колесницѣ Войны.

Великое есть безумїе, сравнивать Европу, яко тѣло политическое съ человѣческимъ, имѣющемъ неизбѣжныя

ныя слабости, и такъ сказать, волненія темперамента: да и сверхъ сего чинимо было множество умствованій, стремившихся доказать то, что самыя войны споспѣшествуютъ ея возвеличію, и способствуютъ къ сохраненію ея могущества.

Представляющій толико пустыя причины объ утвержденіи всеобщей власти, долженъ непремѣнно желать и того, чтобы оныя въ дѣйство произведены были.

Также весьма непростительная глупость и тѣхъ, кои сравниваютъ естественной свѣтъ съ политическимъ: сей подверженъ безпрерывному теченію произшествій, коихъ обыкновенно одинъ только слѣпой навлекаетъ случай; вмѣсто же того оной имѣетъ твердыя и непоколебимыя свои законы, которые никогда не перемѣняются: одинъ управляется причинами вторыми, но другой первыми.

Въ семъ сочиненіи со всѣмъ не спрашивается о теперешнихъ войнахъ; здѣсь не говорится также

и о частныхъ несогласiяхъ Францiи съ Англiею, ниже о ссорахъ Австрiйского Дома съ Королемъ Прускимъ.

Не станемъ входить ни въ какiя подробныя описанiя причинъ, заставляющихъ то или другое государство въ самомъ дѣлѣ вооружаться, а и того менѣе коснемся тѣхъ, кои скоро будутъ одни противу другихъ вооружаться.

Должно оставить всѣ личные споры монарховъ, для представленiя читателю наиважнѣйшаго предмѣта, то есть, проекта о мирѣ всеобщемъ, твердомъ и вѣчномъ.

Сочиненiе сiе, для удобности и порядка матерiй раздѣлимъ на заглавiя.

Сначала изобразимъ замѣшательства Европы, причиняемыя безпрерывными ея войнами въ продолженiе болѣе вѣка.

Постараемся показать неистинность принятаго теперь великимъ Политиковъ числомъ правила сего: *что война есть необходимо-нужное зло.*

Покажемъ, чрезъ сравненiе правительства Римскаго съ нынѣшнимъ,

раз-

различїе двухъ системъ Политическихъ, и доводами утвердимъ, что та причина, которая служила къ возвеличїю первымъ, должна быть пагубною для другихъ. Глава сїя гораздо будетъ пространнѣе прочихъ, и содержитъ въ себѣ множество подробностей, которыя бы не были употреблены; если бы не почитались они за нужныя для главнаго намѣренїя, предположеннаго въ семъ сочиненїи.

Предложимъ, что равновѣсїе политическихъ властей не есть дѣло человѣческое, но дѣло времяни: что оно со всѣмъ не принадлежитъ въ число системъ, кои установляются, но есть соразмѣрїе силы, самой собою геометрически раздѣлившейся: и что равновѣсїе Европы поддерживается само собою, независимо отъ браней, кои безпрестанно возгоряются для соблюденїя онаго.

Послѣ того здѣлаемъ вопросъ: могутъ ли быть войны справедливыя? и докажемъ или по крайней мѣрѣ представимъ доказательныя причины,

что всѣ изслѣдованія, чинимыя о сей матеріи, утверждаютъ только естественную оборону, позволенную всѣмъ государствамъ, но никоимъ образомъ не защищаютъ справедливости браней.

Въ кратцѣ упомянемъ о пользахъ Государей, и покажемъ, что мнимыя ихъ прибыли наносятъ имъ существенной вредъ: а сіе самое и причиняетъ не малое помѣшательство въ дѣйствительныхъ пользахъ.

Въ седмой главѣ утвердимъ первымъ политическимъ правиломъ то: что сила частныхъ государствъ зависитъ отъ всеобщей силы Европы; и что по мѣрѣ уменьшенія сей всеобщей силы продолжительными войнами, могущество каждаго народа не будетъ надежно, смотря по соразмѣрію общаго обезсиливанія: равнымъ образомъ и государства, по отношенію одного къ другому, не здѣлаются могущественнѣе, ежели не перестанутъ себя взаимно обезсиливать.

Потомъ обратимся къ первому началу браней, и докажемъ, что они

сов-

совсѣмъ отъ другихъ происходятъ причинъ, нежели каковымъ мы ихъ обыкновенно приписываемъ.

Разсудимъ о семи главныхъ началахъ войны, а именно: 1) *о политической связѣ Европы*, 2) *о возобновленіи рукодѣлій*, 3) *о воинской роскошѣ*, 4) *о обрѣтеніи въ Америкѣ золотыхъ и серебренныхъ рудниковъ*, 5) *о тщеславіи Государей*, 6) *о непоколебимой страсти къ Иройству*, 7) *о ревніи къ возвеличію, примѣчаемомъ въ тѣхъ, кои управляютъ государствами*.

Слѣдующая глава изъяснитъ, что ни одинъ Государь не можетъ быть нейтральнымъ, по той причинѣ, что, взявъ въ разсужденіе общую связь Европы, война до всѣхъ государствъ касается, въ какой бы она части Европы ни производилась.

Седмаянадесять глава заключаетъ въ себѣ разсужденіе, могущее подать поводъ къ особому политическому сочиненію весьма важному, а имянно: что переговоры не въ состояніи согласить общія намѣренія державъ.

Наконецъ предложимъ, что всеобщій миръ Европы не можетъ иначе въ дѣйство произведенъ быть, какъ только по долговремянномъ перемиріи, и проч.

Сначала здѣлалъ было я расположеніе къ великому сочиненію. Главное мое было притомъ намѣреніе, описать всѣ причины, производившія въ Европѣ безпрерывныя войны въ продолженіе столѣтія сего, но по собраніи и соединеніи вмѣсто всѣхъ частей, долженствовавшихъ служить къ сему сочиненію, увидѣлъ я, что они составили бы одну только исторію дѣяній Республики всеобщей; что никакого не имѣетъ отношенія къ предположенному мною предмѣту.

Я бы могъ разсужденія мои подтвердить разсужденіями многихъ древнихъ и новыхъ Политиковъ; но сіе послужило бы только ко увеличію книги: а потому я ихъ и не имяную (*), но только говорю.

Мо-

(*) Въ семъ сочиненіи весьма мало находится ссылокъ; однакожъ есть нѣсколько

Можетъ-быть найдутъ въ семъ сочиненіи великую погрѣшность, а имянно, слѣдующую: что сочинитель ни Полномочной Посланникъ, ни Государственной Министръ; ибо писатель политической системы имѣетъ теперь нужду въ порукахъ: то есть, во славѣ, приобрѣтенной во время производенія переговоровъ и въ соблюденіи тогда пользъ государственныхъ,

Иные можетъ-быть найдутъ еще и другое что нибудь въ начертаніи сего проекта, и скажутъ, что, издавать таковое въ свѣтъ сочиненіе, значитъ, мѣшаться въ государственныя дѣла.

Я на сіе отвѣчаю, что въ ономъ не говорится о частной системѣ, касающейся до какого либо Европейскаго государства; а разсуждается о всѣхъ Державахъ вообще.

Судить

изъ нихъ, хотя и не столь изобильно, сколько бы, какъ кажется, существенность сего сочиненія того требовала.

Судить о политическихъ дѣлахъ одного народа не слѣдуетъ частному человѣку; но говорить вообще о всѣхъ государствахъ есть дѣло всѣхъ и каждаго. И если никакому частному писателю не принадлежитъ брать какое либо одно общество подъ опеку, то ему позволяется, публично объявить себя покровителемъ и защитникомъ всего человѣчества вообще.

Однимъ словомъ, главное мое намѣренїе въ семъ сочиненїи касается до политической тишины Европы; я не имѣю другаго предмѣта, кромѣ сохраненїя подобныхъ мнѣ человѣковъ: я пишу во угодность всеобщей Республикѣ, и симъ ходатайствую за родъ человѣческїй.

ПОКАЗАНІЕ ГЛАВЪ.

ГЛА-.

ГЛА-

ПРОЕКТЪ ВСЕОБЩАГО ЗАМИРЕНІЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Изображеніе Европы.

Съ самого начала столѣтія сего, Европа такъ преисполнена осадъ и сраженій, что никогда не видалъ свѣтъ ничего тому подобнаго. (*)

Можно сказать, что воинская фурія возмущаетъ государства: все Конница, Пѣхота, Легкія Войска.

А На-

(*) Сіе не столько имѣетъ относиться къ теперешнему положенію Европы, сколько къ тому, въ которомъ она находилась во время великихъ ея войнъ.

Народы составлены изъ Полковъ, общества превращены въ Баталіоны.

Европа раздѣлена на Армію Сухопутную и Армію Морскую.

Города опустошены, селенія раззорены: всѣ граждане преданы войнѣ.

Хотѣть насильно имѣть однихъ солдатъ, то и будутъ все только солдаты. И скоро, какъ говоритъ Монтескію, здѣлаемся мы подобно Татарамъ.

Всѣ дѣла политическія управляются теперь калеными ядрами.

Конгресы превращены въ мѣста сраженій. Переговоры не иначе производятся, какъ предъ фронтомъ Армій.

Артилерія предъ всѣмъ взяла преимущество. Каждое государство безчисленные имѣетъ Арсеналы. Или лучше сказать, Европа ни что другое составляетъ, какъ Арсеналъ, наполненной оружіями, (*) принадлежащими къ истребленію рода человѣчес-

---

(*) Въ разныхъ Арсеналахъ находится болѣе шести миліоновъ ружей, болѣе миліона пяти сотъ тысячь пушекъ, и по соразмѣрію, бомбъ, ядеръ, пулей, шпагъ, штыковъ, и проч.

вѣческаго (*), и самыя опаснѣйшія изъ нихъ всегда за наилучшія пріемлются. Частной человѣкъ, которой бы изобрѣлъ средство истребить цѣлой народъ, за однимъ ударомъ, почитался бы теперь за великаго въ государствѣ мужа.

Въ нынѣшнія времена, Политика не знаетъ другой системы, кромѣ войны. (**)

Арміи всегда въ готовности, и сраженія не пресѣкаются.

И какъ будто одна земля не довольно пространна, для истребленія другъ друга: надобно было присовокупить и море.

(*) Разсмотри изобрѣтенія, учиненныя въ Артилеріи, для истребленія Арміи, для разрушенія Стана, для облежанія мѣста, для принужденія города къ здачѣ, для превращенія крѣпости въ прахъ и пепелъ, для зажженія пороховаго погреба и проч. Разсуди, сколько употребляютъ способовъ на дѣланіе зарядовъ пушечныхъ, и вообрази, какія многоразличныя изысканы средства для пагубы человѣчества.

(**) Прочти Европейскую исторію за полтора вѣка, то найдешъ, что всѣ государства вообще хотѣли утвердить оружіемъ могущество свое, и что во всѣхъ, или почти во всѣхъ переговорахъ, системы замиренія были только вторыя причины.

Океанъ здѣлался обширнымъ мѣстомъ сраженій. За недостаткомъ другихъ завоеваній, отнимаютъ другъ у друга стихіи.

Всѣ народы прицѣливаются стрѣлять. Всѣ государства, для употребленія воинскаго выраженія, наводятъ пушки одни противъ другихъ.

Уже Европейскія Державы не знаются болѣе между собою; дѣлаютъ другъ другу всякія зла, какія только моглибы причинять самые варварскіе народы Африки одни другимъ.

Блѣдность распростерта по лицамъ. Страхъ овладѣлъ сердцами. Жители сельскіе, будучи приведены въ трепетъ, убѣгаютъ въ города, дабы спрятаться за стѣнами крѣпостными.

Всѣ общества разрушены, всѣ народы раставлены по квартирамъ; скоро уже не осмѣлится родъ человѣческій показаться въ Европѣ.

Другъ друга убиваютъ, немилосердно лишаютъ жизни. Кровавыя рѣки наводняютъ землю; жестокое человѣковъ побіеніе и ужасъ вездѣ распростерты; смерть летаетъ со всѣхъ сторонъ.

Нѣтъ болѣе всеобщей тишины; всѣ народы, общимъ движеніемъ, привлечены на войну.

Безчисленныя Арміи погубляются; цѣлые народы истребляются.

Великія государства низпровергаются; цѣлые области опустошаются; цвѣтущія грады раззоряются.

Всѣ государства изнурены, и народы претерпѣваютъ ужасныя бѣдствія.

Отъ сей всеобщей гибели слѣдуетъ и частная пагуба могуществу каждаго правительства, поелику законы, кои служатъ подпорою государствамъ, всегда теряютъ свою силу въ продолженіе необузданностей войны.

Общая рачительность ко всему пріостановляется; торговля уменьшается; хлѣбопашество запускается.

Съ другой стороны, нужда заставляющая государей обремянять народы податьми, есть другой бичь, причиняющій столько же неустройства, сколько и самая война. Земли остаются въ запустѣніи: и природа ослабѣваетъ.

Общее старанїе о разумноженїи народа прерывается; родъ человѣческїй клонится къ паденїю; и если всеобщая Политика въ сїе не вникнетъ, войны должны наконецъ разрушить всѣ власти.

По нѣкоторыхъ преображенїяхъ общихъ браней, небудетъ болѣе Власти политической. Европа здѣлается ни чемъ инымъ какъ обширною пустынею, безъ жителей, и проч.

Глава вторая.

О правилѣ, принятомъ въ политикѣ.

Великое есть нещастїе то, что общее сїе буйство, истреблять другъ друга, приведено въ систему, которая имѣетъ теперь свои правила и начала.

Всякой день съ хладнокровїемъ говорятъ государственнымъ министрамъ, *что война есть необходимо-нужное зло.*

Никогда Махїавелева Политика невздумала себѣ ничего толь ужаснаго.

Пра-

Правило сіе, подвергая опустошенію всѣ государства, довлѣетъ одно нанести паденіе Европѣ.

Если о правилѣ семъ подробно разсудимъ, то увидимъ, что главная его цѣль стремиться ко взаимному другъ друга истребленію, и что одно государство не можетъ утвердить своего могущества, какъ только на развалинахъ другаго.

Никто не заботился въ томъ, что Законодательство употребило столько вѣковъ для установленія между Державами Народнаго Права какъ Политическаго такъ и Гражданскаго, ниже въ томъ, что вышепомянутое правило сіе все разрушаетъ и родъ человѣческой подвергаетъ состоянію гораздо худшему, нежели въ какомъ онъ былъ до установленія обществъ.

Послѣдствія, выводимыя изъ системы о необходимости браней, не менѣе дерзки, какъ и самая система.

Безъ войны, прибавляютъ еще къ тому, главныя вѣтви разумноженія народа, распространясь за извѣстныя границы, причинили бы ужасныя зла.

Въ слѣдствіе умствованія сего, жизнь человѣческая есть ничто другое, какъ задача? Все же равно заключить было и такъ, что нѣтъ никакого перваго начала во всеобщемъ разумноженіи рода человѣческаго, и что вторымъ слѣдуетъ причинамъ управлять первыми.

Скажутъ еще и то, что человѣки пожирали бы самихъ себя, если бы не выдумали пушекъ для своей гибели, и что Естество, установившее геометрическую пропорцію въ породѣ всѣхъ прочихъ животныхъ такую, что одна часть никогда не истребляетъ другой подобнаго себѣ рода, здѣлало ошибку въ разсужденіи насъ, человѣковъ.

Не упустятъ предложить и того, что Политика, обманчивая сія наука, управляемая слѣпымъ случаемъ, располагаемая произшествіями, и которая, противоборствуя себѣ самой, почти всегда разрушаетъ въ одно время то, что въ другое созидала; должна распоряжать непремѣнными законами природы.

Естьли бы война была неизбѣжное зло, то бы оной должно быть необходимою и во всѣхъ частяхъ земли.

Евро-

Европейцы не одни жители на земли.

Свѣтъ имѣетъ еще три великія части, наполненныя государствами, коихъ народы, наслаждающіеся съ давняго времени совершеннымъ миромъ, должны бы были уже давно одни другихъ пожрать.

Волтеръ учинилъ примѣчаніе, что во сто шестдесятъ лѣтъ одна только была война нѣсколько важная въ сихъ трехъ частяхъ свѣта.

Я никакъ не намѣренъ охуждать науки и художества, и сказать, что они способствуютъ болѣе къ затмѣнію разума нежели къ просвѣщенію онаго; но я колеблюсь, и не могу совершенно въ томъ рѣшиться, поелику вижу, что народы, въ наивеличайшемъ невѣжествѣ пребывающіе на сей землѣ, лучше разумѣютъ свои пользы политическія, нежели мы наши понимаемъ.

Взирая на тишину царствующую въ сихъ трехъ частяхъ, между тѣмъ какъ наша опустошается безпрестанными войнами, можно предполагать отважно, что невѣжество гораздо полезнѣе обществу не-

нежели знанїе, поелику отъ онаго, какъ мы видимъ, зависитъ сохраненїе рода человѣческаго, но отъ знанїя, его паденїе.

Наипремудрѣйщая изо всѣхъ Политика, во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ, будетъ всегда та, которая наиболѣе способствуетъ ко сбереженїю человѣчества.

Лучшебы было, оставить людей разсѣянныхъ по лѣсамъ, нежели ихъ собрать для истребленїя себя самихъ.

Ежели знанїе и науки просвѣщенныхъ въ Европѣ народовъ, о коихъ столь много говорится, не имѣютъ другаго слѣдствїя, кромѣ кровопролитїя, и взаимообразнаго истребленїя, то желать должно, чтобъ мы опять скоро пришли въ невѣжественное состоянїе и учинились дикими людьми.

Вотъ въ какой дальней зашла обманъ Европейская Политика въ разсужденїи самого существа средствъ, могущихъ содѣлать государства сильными!

Необходимое Ея зло состоитъ въ томъ, что содѣлываетъ человѣковъ гораздо больше свирѣпыми, нежели каковы они въ самомъ дѣлѣ; что и претворяетъ землю во

оби-

обиталище смятеній и замѣшательствъ ; разрушаетъ порядокъ вещей, и предаетъ все огню и мечу.

Необходимое оное Ея зло состоитъ также и въ томъ, что истребляетъ народы, низпровергаетъ государства, уничтожаетъ правительства !

Если это все необходимо нужное зло, какое же будетъ полезное добро?

Полагать таковыя начала, значитъ , совсѣмъ разрушить порядокъ вещей, смѣшать всѣ мысли и понятія. По сей системѣ зло будетъ добромъ, и худое станетъ почитаться за наилучшее.

Должно также сказать и то, что моравая язва, голодъ и всѣ другія бѣдствія, удручающія родъ человѣческій, суть равнымъ образомъ нужны; то есть, сказать другими словами, что отъ истребленія народовъ зависитъ ихъ сохраненіе.

Кто можетъ описать всѣ ужасныя бѣдствія причиняемыя войнами! подробное описаніе всѣхъ отъ войны произходящихъ золъ составило-бы обширное сочиненіе.

Между представляющемся бѣдствій сихъ множествомъ, упомяну только объ

одномъ

одномъ, а именно: сверхъ того что войны одни испровергаютъ государства, уничижаютъ еще человѣка и до состоянія скотовъ; я хочу сказать о тѣхъ непремиримыхъ враждахъ, кои причиняютъ продолжительныя наши войны; сіи то, поселивъ общее смятеніе въ разумѣ и сердцѣ всѣхъ народовъ Европы, суть источники тѣхъ гоненій и отвращеній, (*) и тѣхъ враждова-

(*) Отвращеніе сіе одного народа къ другому имѣетъ такую силу, и такъ глубоко вкоренилось, что оно и безъ войны тепер существуетъ.

Въ Лондонѣ безпрестанно простой народъ ругается надъ Французами и въ самое мирное время; какъ между тѣмъ съ другой стороны Французы, кои ни коимъ образомъ грубости своей не простираютъ до крайности, безчестятъ Агличанъ во Франціи насмѣшками, и безпрестанно употребляютъ противъ ихъ колкія издѣвки: способъ, съ разсужденіемъ или съ умыслу наругаться, болѣе оскорбителенъ нежели тотъ, которой произходитъ отъ первой запальчивости необузданнаго простолюдства.

Не надобно думать, что сіе отвращеніе произходитъ отъ различнаго умоначертанія двухъ народовъ, какъ-то по сіе время утверждали.

Нѣтъ ничего противоположительнѣе въ Свѣтѣ, въ разсужденіи вѣры, нравовъ и обы-

дованій , какіе одинъ народъ имѣетъ къ другому въ нынѣшнія времена.

Какое уничижительное позорище для разума человѣческаго, видѣть Европейцовъ, то есть, народовъ просвѣщеннѣйшихъ, какіе могутъ теперь обитать на землѣ, возобновляющихъ въ себѣ скотскія страсти вѣковъ невѣжества и грубости!

И какое обширное поле разсужденій для философа, зрѣть въ благоустройствѣ пребывающихъ человѣковъ, дѣлающихся опять варварами въ такое время, которое просвѣщеніемъ и благонравіемъ всѣ прочія превосходитъ времена!

Политика много потакаетъ, и мнитъ, что необходимость войны доказала тѣмъ, когда

чаевъ, какъ Агличане и Магометане. Однако отвращеніе сіе не существуетъ между сими двумя народами; потому что они никогда не ведутъ между собою войны: напротивъ же того Франція съ Англіею безпрестанно войнами замѣшаны.

Все сіе нѣкоторымъ образомъ естественно и свойственно человѣкамъ. Добродѣтели, пороки, страсти имѣютъ естественныя свои причины отъ враждъ, оказывающихся между Агличанами и Французами; это кровь, взывающая одну и другую сторону ко отомщенію.

когда представитъ доводы сіи: что съ самаго сотворенія Міра всегда были несогласія на землѣ между народами, и что сіи несогласія не могли, да и не должны были окончиться, кромѣ только насиліемъ.

Безъ сомнѣнія осады и сраженія не новыя.

Какъ мнѣ такъ и всему свѣту извѣстно, что Древніе имѣли войны, и что разныя государства на землѣ утвердили свое могущество оружіемъ; но также знаю я и то, что политическая и гражданская система всѣхъ сихъ народовъ была отъ нашей различна, и что слѣдственно тѣже самыя средства, кои споспѣшествовали тогда къ возвеличію ихъ государствъ, должны служить нашимъ къ ихъ разрушенію.

Чтобъ утвердить, какъ-то дѣлаютъ, необходимость войны, на примѣръ, у Древнихъ, то должно доказать, что и теперь тѣже самыя положенія и начала существуютъ. Однако нѣтъ ни одного между нашими такого государства, котороебы съ ними сходствовало.

Свѣтъ имѣетъ теперь совсѣмъ другія системы, нежели каковыя были въ прежніе вѣки.

Всѣ завоеванія кончены. Шаръ земной уже раздѣленъ. Каждой удѣлъ имѣетъ своихъ повелителей.

Самыя войны должны пресѣчь войны. Существующая въ нынѣшнемъ свѣтѣ политическая система отчасти уже кончена.

По благоденствію, которое Царствуетъ теперь въ нѣкоторыхъ государствахъ (*), неупотребившихъ по сіе время другой политической системы, кромѣ той, чтобъ содержать себя въ безпрестанномъ мирѣ, недолжноли судить, что она моглабы быть системою и для нашего политическаго свѣта вообще? Ибо, что есть Европа, какъ не соединеніе разныхъ обществъ, и государство всѣхъ государствъ?

Что полезно для частей или членовъ, должно также необходимо быть и для всего тѣла полезно.

Всѣ системы политическія излишны тамъ, гдѣ опытъ ясенъ.

ГЛАВА

(*) Республика Венеціанская, Швейцарская и проч.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Погрѣшность въ войнахъ нынѣшнихъ времянъ.

Сравненіе правительства Римлянъ съ нашимъ.

Я не знаю, что бы какой писатель Политики примѣтилъ ту погрѣшность, которая находится во всеобщей системѣ Европейской; я хочу сказать, что изо всѣхъ нынѣшнихъ правительствъ, кои безпрестанно ведутъ между собою войны, нѣтъ ниже одного (*), котороебы расположено было на военную стать.

Римляне, коихъ всегда представляютъ себѣ въ примѣръ, для того что они утвердили могущество свое оружіемъ, были воины

(*) Говорили, что правительство Прусіи было на такой ногѣ учреждено. Правда, что государство сіе возвысило могущество свое оружіемъ. Но далеко еще отстоитъ оно отъ того, чтобы установленіе его было подобно установленію военныхъ правительствъ Древнихъ.

воины по системѣ правительства. У нихъ, война со' всѣмъ не была случайнымъ дѣломъ, но правиломъ и началомъ ихъ установленія.

Ромулъ ни какъ не положилъ основанія Республикѣ для гражданъ; но образовалъ Станъ для воиновъ. (*)

Завоеваніе всего свѣта Римлянами, не есть дѣло щастія. Ежели бы сей народъ долженъ былъ своимъ могуществомъ слѣпому случаю, то бы самой сей случай и разрушилъ оное; ибо правительство, неимѣющее твердаго и надежного основанія, должно бы было само собою уничтожиться;

Однако у писателей политическихъ находятся причины величію и паденію Римлянъ.

Риму должно было покорить себѣ весь свѣтъ.

(*) Ромулъ и его преемники имѣли почти всегда войну съ своими сосѣдами, для доставленія себѣ гражданъ, женъ, или полей: они возвращались въ городъ съ добычею полученною отъ побѣжденныхъ народовъ: оная состояла въ хлѣбѣ, скотѣ и проч. смот: *Разсужденія о величіи Римлянъ. Глава I.*

Планъ, расположенной для возвеличія его, есть геометрическая система, которую можно доказательствами утвердить, и есть дѣло вычисленія.

Для удостовѣренія себя въ томъ, должно только разсмотрѣть первыя причины его величія, и соединить ихъ съ ихъ же дѣйствіями.

Я предупреждаю читателя моею прозьбою, не поскучить прочитать подробное сравненіе, въ которое намѣренъ я войти; я бы его оставилъ, если бы сличеніе сіе не было необходимо нужно для доказательства того, что войны нашихъ Государей не имѣютъ ни началъ, ни намѣреній, каковыя себѣ предполагали Древніе; и что наши войны, вмѣсто возвеличія могущества государствъ, непремѣнно должны ихъ изнурять.

установленіе правительства Римлянъ было вольное. Вотъ источникъ всѣхъ великихъ добродѣтелей и славныхъ воинскихъ дѣлъ, посредствомъ коихъ сей народъ завоевалъ весь свѣтъ.

Разкрый лѣтописцы о свѣтскихъ правительствахъ, съ самаго начала Міра, то най-

найдешъ, что воинскія добродѣтели и храбрость умножались и уменьшались у каждаго народа по мѣрѣ степеней вольности и рабства.

Народъ Римскій, будучи не зависимъ, замыкалъ въ себѣ самомъ сѣмена всѣхъ ироическихъ добродѣтелей.

Вольность политическая, у Римлянъ, содѣлывала каждаго гражданина Государемъ. А посему, Государи вообще имѣютъ добродѣтели противъ другихъ человѣковъ превосходнѣе.

Никакъ не должно удивляться чрезмѣрному мужеству сего народа. Если бы Римъ не здѣлался обладателемъ свѣта, то бы все было въ замѣшательствѣ; и Политика никоимъ-бы образомъ не могла показать причины произшествій.

У Римлянъ, не одна только изъ народа часть носила оружіе. Вся Республика вообще производила Войну.

Сначала въ Римѣ не было другого званія кромѣ военнаго.

Власть политическаго и гражданскаго правленія совсѣмъ небыла раздѣлена. Каж-

дая часть особенной власти имѣла стремленіе свое къ единому средоточію.

Для поселенія въ народѣ склонности къ воинскимъ подвигамъ, должно управлять его страстьми, то есть, привесть ихъ въ движеніе и дѣятельность, могущія заставить его любить славу. Сіе то дѣлалъ Римъ, и старался производить въ дѣйство все то, что могло наиболѣе льстить честолюбію.

Римъ преизобильно осыпалъ воинство почестями и отличностями: сіиже никакъ не были произвольны и неограничены; но законы наблюдались въ томъ со всевозможною точностію: сама Республика раздавала ихъ: и это было ея достоинство, коимъ она отмѣнно пользовалась. Политика ишла еще далѣе: она заставляла всѣхъ тѣхъ презирать, кои со всѣмъ не хотѣли быть воинами.

Можетъ быть одно установленіе политическое никоимъ бы образомъ не содѣлало воинами Римлянъ; ибо если-бы Вѣра не способствовала къ тому, то можно полагать, что Римъ подверженъ бы былъ таковойже участи, каковой и всѣ прочіе обла-

области Италïи, кои никогда не выходили изъ предѣловъ посредственности.

Вся Республика вообще вѣрила, что *Ромулъ вознесенъ былъ на небо, и прежде вознесенïя своего предсказалъ, что его градъ здѣлается обладателемъ всего свѣта.*

Прорицатели съ своей стороны старались поселить въ народѣ то, *что Ромулов народъ никогда не потеряетъ того мѣста, которое однажды займетъ, и что онъ не побѣдимъ.*

Нѣтъ ничего такого въ свѣтѣ, чего бы народъ не предприняль по правиламъ Вѣры. Мужество, которое Вѣра въ людей вливаетъ, есть можетъ быть одно только непобѣдимо; ибо, кромѣ того, что она обѣщаетъ выгоды въ сей жизни, подаетъ еще надежду къ полученïю награжденïй и въ будущей.

Политика одна приводитъ въ дѣйство нѣкоторыя только страсти: Вѣра и Политика движутъ всѣ.

Послику оба сïи начала управляли всѣми дѣянïями сего народа, то и возбуждаемъ оной былъ къ подвигамъ воин-

скимъ сильнѣйшими средствами, какїе только могли его касаться.

Школа воинская, у Римлянъ, показываетъ уже точный планъ завоеванїя свѣта.

Навыкали солдатъ въ пять часовъ проходить двадцать миль; и во время сего марша заставляли ихъ на себѣ несть по шестидесяти фунтовъ вѣсу. За симъ, вдругъ чинимы были многїя Экзерцицїи воинскїя, коихъ главной предмѣтъ стремился къ тому, чтобъ содѣлать ихъ проворными, ловкими, и чрезъ то, придать ихъ тѣлу болѣе крѣпости.

Сїи Экзерцицїи не только въ то время дѣлались, когда вели Войска на сраженїе, но и безпрестанно производились, ибо они были слѣдствїемъ установленїя Государственнаго, а не случайнымъ дѣломъ, употребляемымъ только въ нуждѣ.

Безпрерывныя сїи Экзерцицїи имѣли многїя предмѣты. Главнѣйшїй изъ нихъ состоялъ въ томъ, чтобъ содѣлать Войска здоровыми и крѣпкими. Римскїе предводители могли вѣрно надѣяться на свои Армїи.

Воин-

Воинственной народъ, и которой есть таковъ по Государственному установленію, не долженъ никогда пресѣкать воинскихъ дѣйствій. А потому Войны Римлянъ были безпрерывны; Политика безпрестанно ихъ возбуждала.

Въ Римѣ, говаривалъ Катонъ, войны раждаютъ войны: они должны были принести Риму знаменитую пользу отъ всѣхъ государствъ, коихъ паденію предначертывалъ Онъ планы.

Въ самомъ дѣлѣ, и какъ нѣкто изъ писателей (*) весьма хорошо говоритъ, *народъ, занимавшійся безпрестанно войною, долженъ былъ необходимо или погибнуть, или всѣми овладѣть другими, кои провождая время то въ войнѣ то въ мирѣ, не имѣли таковыхъ способностей ни наступать, ни обороняться.*

Союзныя Трактаты Рима зависѣли также отъ началъ Государственнаго его установленія. Онъ бы ихъ вдругъ уничтожилъ, еслибы смѣшалъ Политическія свои пользы съ слабыми и робкими народами, кои моглибы ему сообщать свои пороки.

(*) Писатель о величіи и паденіи Римлянъ.

Примѣчено, что Римъ никогда не упускалъ случая соединяться съ народами, которые наиболѣе съ нимъ равнялись. Ежели въ свѣтѣ былъ народъ высокомѣрный, неустрашимый, независимый, которой бралъ начала своего правленїя отъ великаго какого законодателя, то Римъ тотчасъ вступалъ съ нимъ въ союзъ. Сей народъ все относилъ къ войнѣ, а потому все же ей и приносилъ на жертву.

Употребленїя и обычаи, связывающїя всѣхъ другихъ въ свѣтѣ народовъ, никакъ Римлянъ не ослѣпляли. Ежели они у какого народа на земли (хотя бы онъ былъ самой варварской) открыли какїе нибудь преимущества и выгоды, какъ то въ ихъ оружїяхъ, или въ способѣ, какимъ они сражаются, то вдругъ Римляне сїе отъ нихъ перенимали. Вотъ средство, которое доставляло имъ вездѣ успѣхи на войнѣ и одержанїе надъ непрїятелемъ побѣды. (*) Но

(*) Сїе-то наиболѣе способствовало Римлянамъ учиниться обладателями свѣта, и потому-что они, сражаясь безпрестанно со всѣми народами всегда оставляли свои обычаи, сколь скоро нашли лучшїя.

смот: Разсужденїя о величїи и паденїи Римлянъ.

Но одно уже политическое правило, отъ котораго Римляне никогда не отставали, должно было учинить ихъ наисильнѣйшимъ въ свѣтѣ народомъ; я хочу сказать, что бъ не заключить никогда мира, когда они имѣли потерю во время войны.

А отъ того самого никогда и не случалось, чтобы Воинъ уничиженъ былъ пораженіями; на противъ того оныя служили ему побудительнѣйшими средствами, къ поспѣшествованію ему во одержаніи надъ непріятелемъ побѣды.

Мирныя договоры рѣшатъ всегда пользы, или убытки отъ войны произходящія.

Если народъ старается окончить войну, для прекращенія своихъ убытковъ, то онъ чрезъ то показываетъ свою слабость; а сіе самое въ короткое время всегда послужитъ непріятелямъ его къ побудительнымъ средствамъ для объявленія ему новой войны.

Можетъ быть также и другое обстоятельство, которое не отъ Римлянъ зависѣло, способствовало къ содѣланію, изъ

сей Республики, народа Воинственнаго; ибо, во всѣ времена, вторыя причины имѣли связь съ дѣлами Политическими.

„Народы Италіи, какъ то примѣ„чаетъ Монтескію, не употребляли ника„кихъ орудій, служащихъ къ чиненію „осадъ; сверхъ того, Воины со всѣмъ не„имѣли своего отечества, а потому и не „можно было удержать ихъ чрезъ долгое „время на одномъ мѣстѣ: слѣдовательно, „мало было рѣшительныхъ браней; сража„лись для того, чтобъ ограбить непрія„тельскія селенія или обобрать полевыя „плоды; послѣ чего побѣдитель и по„бѣжденный возвращались по своимъ мѣ„стамъ.

„Сіе-то самое содѣлывало непреодо„лимость народовъ Италіи, и въ тоже „время трудность, подвергать ихъ подъ „иго; сіе-то самое пріобрѣтало имъ по„бѣды, кои нравовъ ихъ никакъ немогли „растлить, и которыя всегда оставляли „ихъ при бѣдности. Еслибы они „вдругъ завоевали всѣ сосѣдственные го„рода, то бы скоро пали отъ нашествія „*Пирра*, *Галовъ*, *Анибала*; и сходно съ

„учас-

„участью почти всѣхъ въ свѣтѣ государствъ, скоро-бы они пришли изъ бѣдного состоянія въ богатое, а изъ сего „въ развратное.

Какъ солдаты первыхъ Римлянъ не получали жалованья, то и ненужно было имѣть воинскую казну Республикѣ для веденія войны: золото и серебро не почитались за нужныя вещи для завоеванія и покоренія другихъ государствъ.

Въ Римѣ не извѣстны были средства, употребляемыя теперь всѣми народами, чтобъ начать раззорять Гражданское правительство для подкрѣпленія Политической власти.

Государственная казна никоимъ образомъ не образовала воинской Системы; напротивъ того война образовала Систему Государственной казны.

Могущество государства состояло въ храбрости Гражданъ. Одна къ отечеству любовь напрягала ихъ силы къ подвигамъ толь знаменитыхъ дѣлъ, коимъ мы теперь по исторіи удивляемся.

Истинная храбрость основана на благородной славѣ. Всякой же другой родъ храб-

храбрости есть, такъ сказать, ничто другое, какъ только продажа отважности, основанной на прибыткахъ, и перемѣняющейся по произволу щастія.

Государство ни на чемъ не утверждено такое, въ которомъ Воинскія добродѣтели зависатъ отъ богатствъ; ибо какъ сіи подвержены безпрестаннымъ перемѣнамъ, то и Политическое правительство не имѣетъ твердаго основанія.

Въ Римѣ, дабы Гражданину здѣлаться Воиномъ, почиталось за нужное, чтобъ онъ привязанъ былъ къ Республикѣ какою нибудь причиною. Это служило нѣкоторымъ образомъ вмѣсто порукъ въ разсужденіи его поведенія на войнѣ, и вмѣсто увѣренія, которое онъ чинилъ правительству въ своихъ воинскихъ поступкахъ. Сему-то самому способу, замыкавшемуся въ Государственномъ установленіи, обязанъ Римъ своимъ могуществомъ, приобрѣтеннымъ посредствомъ оружія; чрезъ то самое Римской солдатъ, кромѣ общихъ причинъ, заставлявшихъ его любить свое отечество, имѣлъ и другую особливую, которая привязывала его къ нему: а потому

тому побѣги весьма рѣдки были между Римскими Войсками. Предводитель совершенную имѣлъ надежду на Армію, которую ему Республика вѣрила.

Онъ могъ полагаться и на число людей, составлявшихъ его Войско: и совсѣмъ не опасался того, чтобы солдаты во время дѣйствій, перебѣгая къ непріятелю, умножали число его Войска.

Явное доказательство, что Римъ положилъ за основательное Государственное начало возвысить власть свою оружіемъ, состоитъ и въ томъ, что никто не могъ достигнуть градоначальнаго достоинства, не носивъ прежде оружія, и не проходивъ степени чиновъ, начиная съ самаго солдата.

Все сіе за нужное почиталось въ государствѣ, въ которомъ война одна должна была рѣшить судьбу Республики.

Въ Римѣ всѣ добродѣтели произходили отъ воинскихъ подвиговъ: у сего народа не были они случайными качествами, но слѣдствіемъ Государственной Системы.

Чтобъ

Чтобъ значить что нибудь въ Республикѣ, должно было начать служить съ рядового солдата. А потому Граждане и дѣлались солдатами, чтобъ до чего нибудь достигнуть.

Но хотя и полагалось за нужное быть всѣмъ солдатами, однако не всѣмъ то дѣлать позволялось: чтобъ заслужить сїю честь, должно было отличиться на Марсовомъ полѣ. Поелику Воинство имѣло въ своихъ рукахъ власть Республики, то и допускались въ солдаты только тѣ, кои имѣя къ тому способности и дарованїя, и будучи приводимы въ совершенство воинскими Экзерцицїями, давали чрезъ то знать о достоинствѣ своемъ.

Однако не должно думать, что Римская Республика, имѣвши установленїе воинское, играла жизнїю своихъ Подданныхъ. Она бы саму себя разрушила, если бы, жертвуя ими войнѣ, не прилагала старанїя въ тоже самое время о ихъ сохраненїи.

Человѣки не иначе бываютъ храбры какъ чрезъ искуство, говоритъ весьма хорошо писатель наблюденїй о Римлянахъ, „и хотѣть что бъ они себѣ дѣлали изъ „жизни

„жизни безумную игрушку и бѣжали бы „на смерть, значитъ, поступать противъ „намѣренія, которое должна себѣ Поли-„тика предположить, или возбудить въ „нихъ одну только буйную отвагу, немо-„гущую долго продолжаться.

„Не только Римская республика не „помышляла объ истребленіи отвращенія, „вливаемаго природою отъ опасностей и „болей, но казалось, что она его еще и ува-„жала: а потому давая Воинамъ своимъ мечи, „и прятая ихъ, такъ сказать, подъ щи-„щаками, шлемами и латами ободряла въ „нихъ надежду къ побѣжденію непріяте-„лей, менѣе себя предохранившихъ нежели „они. И посему то гораздо удобнѣе было „соединить и возжечь въ ихъ сердцахъ „страсти, кои, чтобъ такъ выразить, вхо-„дятъ въ составленіе храбрости.„

Римская Республика образовала планъ къ раззоренію многихъ народовъ для того, что установила систему для сохраненія своего.

Для сокрушенія многихъ силъ, непремѣнно потребно блюсти свои.

Рим-

Римлянамъ нарочито предписывалось или побѣждать или умирать. Солдатъ, которой учинилъ побѣгъ, почитался за презрѣннаго труса, недостойнаго имени Римлянина: удивительная Политика, и которая одна, изъ ватаги людей, могла содѣлать Армїю Ироевъ.

На войнѣ, такъ какъ и въ другомъ мѣстѣ, все зависитъ отъ первыхъ началъ и отъ принятого обычая. Человѣки вездѣ одинаковы. Одни только предразсужденїя содѣлываютъ ихъ различными.

Извѣстно также и то, что Римское установленїе, для большаго надѣянїя на солдатъ, привязывало ихъ къ должности узами присяги (*). Слѣдовательно солдатъ учинившїй побѣгъ не только почитался за труса, но и за клятвопреступника.

Кромѣ общихъ сихъ причинъ, посредствомъ коихъ Римская Республика должна была возвысить могущество свое оружїемъ, находилось еще много и особенныхъ, равномѣрно споспѣшествовавшихъ къ Ея величїю.

Изъ

(*) Каждой солдатъ присягалъ предъ Консулами въ томъ, что не учинитъ побѣга.

Изъ сихъ причинъ приведу я въ примѣръ установленіе Тріумфовъ.

„Какъ консулы, говоритъ писатель „о величіи Римлянъ, не могли иначе удостоены быть чести Тріумфа, кромѣ „когда они что завоевали, или одержали „славную надъ непріятелемъ побѣду, то „и поступали они на Войнѣ съ величайшею неустрашимостію: прямо наступали „на непріятеля, и храбрость вдругъ все „рѣшила.

Нѣтъ лучшихъ средствъ для наклоненія народа къ войнѣ, кромѣ сихъ блистательныхъ почестей, толь самолюбію льстящихъ, что все ему уступаетъ, и предъ нимъ ничто.

Правительство Римлянъ столько же было философическое, сколько и политическое; всегда, самими подлѣйшими страстьми, Граждане ведомы были къ наивеличайшимъ добродѣтелямъ.

Въ Разсужденіи войны, все позволялось въ Римѣ употреблять, даже и самыя слабости сердца человѣческаго.

Какой пламень, какой жаръ, какая дѣятельность! и при томъ какое внима-

ніе, какое раченіе, какое бдѣніе! вЪ предводителѣ, которой чувствовалЪ, что, ежели онЪ одержитЪ побѣду, будетЪ ведомЪ вЪ Тріумфѣ среди ГражданЪ, сопровождаемЪ взятыми вЪ плѣнЪ Царями и побѣжденными народами.

ВЪ наши вѣки удивляются, что наши войны никогда не служатЪ кЪ возвеличїю государствЪ; но никогда не хотятЪ вникнуть и вЪ то, что войны нынѣшнихЪ государствЪ не имѣютЪ ни предмѣта ни намѣренія, каковыя имѣли притомЪ Древніе, и что теперешнія войны не на таковомЪ правилѣ основаны.

Теперь многіе народы ничто иное какЪ рабы; (*) то, что нѣкоторые (мнящіе себя быть менѣе зависимыми) называютЪ

(*) Со времени древнихЪ РеспубликЪ, всѣ правительства народныя изчезли, и на ихЪ развалинахЪ возвысилось, во многихЪ мѣстахЪ земнаго шара, ужасное самовластіе (деспотизмЪ). Во многихЪ государствахЪ нынѣшнихЪ различіе рабства не состоитЪ вЪ дѣлѣ, но только вЪ выраженіи.

вают̀ъ именемъ вольности, не означаетъ даже и тѣни оной. (*)

Поелику Граждане идутъ на войну, и трусость между нами почитается за порокъ, то и полагали, что наши воинскія добродѣтели были тѣже самыя, какія и у Древнихъ.

Ежели въ сіе вникнутъ со вниманіемъ, то дѣйствительно найдутъ, что неустрашимость нашихъ Европейскихъ солдатъ есть механическая, и что они убиваютъ,

(*) Каждой нынѣшній народъ даетъ сему слову смыслъ, какой ему заблагоразсудится, и толкъ по своему умоначертанію. Москвитяне, какъ то примѣчаетъ славной писатель, поставляли долгое время свою вольность въ обычаи носить длинныя бороды.

Ежели разсудишъ о власти привилегерованныхъ обществъ въ правительствахъ, почитающихъ себя теперь за самыхъ вольныхъ въ Европѣ, ежели представишъ себѣ власть духовенства, дворянства, средняго состоянія людей и правительствъ, кои суть блюстители законовъ, то найдешъ, что Политическая и Гражданская вольность каждаго государства не можетъ называться даже и тѣнью той вольности, какая существовала у Древнихъ.

Вольность теперешняя есть ничто иное, какъ устройство рабства:

ваютъ, или убиваемы бываютъ, поелику у насъ война здѣлалась ремесломъ, и самовольная необузданность или необходимая нужда заставляютъ то дѣлать.

Не съ таковымъ мужествомъ Римляне чинили завоеванїе свѣта.

Какъ война вообще, въ каждомъ изъ нашихъ государствъ, есть обыкновенное дѣйствїе единой страсти, а иногда страсти единаго человѣка, и что, въ отличность Древнимъ, тотъ, кто въ оной запутанъ, предпринимаетъ ее безъ совѣта и согласїя тѣхъ, (*) которыхъ для веденїя войны употребляетъ, то никто и не прїемлетъ участїя въ успѣхѣ оной.

Это дѣло совсѣмъ различное отъ дѣла народа.

Писав-

(*) Во времена древнихъ правительствъ каждой подданной, въ качествѣ члена республики, имѣлъ участїе въ великихъ совѣтахъ, касавшихся до государства. Миръ или война неиначе чинились какъ съ согласїя гражданъ. Сїе публичное право было основано на существенности самой вещи, и въ самомъ дѣлѣ, весьма справедливо то, чтобы тѣ, кои суть душею на войнѣ, знали и сами, для чего они производятъ войну.

Писавшій о Политикѣ сочинитель примѣчаетъ, что въ Римѣ число солдатъ въ разсужденіи остатка прочаго народа содержалось какъ 1. къ 8., и что число солдатъ въ нашихъ нынѣшнихъ правительствахъ содержится какъ 1. къ 100. Точное доказательство, что Римское государство было воинственное, и что наши совсѣмъ не таковы. Точное еще и то доказательство, что средства употребляемыя къ возвеличію нынѣшнихъ государствъ совсѣмъ отличныя отъ тѣхъ, кои Древніе производили въ дѣйство.

Всѣмъ извѣстно, что Политика Римлянъ возбуждала во всѣхъ подданныхъ воинскіе добродѣтели чрезъ общее раздѣленіе почестей.

Въ нашихъ государствахъ никогда почти не получаютъ отличностей воинскихъ тѣ, кои ихъ заслужили.

Вообще, они отдаются лицу, а не мужеству.

Класъ вышшихъ Офицеровъ, присвояя себѣ всю славу оружій, раздѣляетъ между собою и всѣ награжденія съ оною сопряженныя: простой солдатъ, которой оныя

 заслу-

заслужилъ, почитается недостойнымъ оныхъ. Отъ него до почестей находится неизмѣримое пространство. Онъ, послѣ сраженія, всегда остается то, что и прежде былъ.

За великую между нами ставится рѣдкость, если простой солдатъ, бывъ на тритцати сраженіяхъ, получитъ чинъ Офицерской: также, наши солдаты никакого не имѣютъ понятія о славѣ, да и какъ имъ ее понимать, когда нѣтъ между ими никакого ревнованія?

Желаніе, себя отличить, имѣютъ только одни начальники. Рвеніе можетъ только быть на крайней части Арміи.

Изо ста воюющихъ, едва только есть четыре, кои имѣютъ право добиваться чиновъ. Всѣ же прочіе отъ того изъяты.

Столь бережно поступаютъ въ раздѣленіи награжденій подчиненному Воинству, что, ежели Армія состоящая изо ста тысячъ человѣкъ одержитъ побѣду, уже весьма довольно, когда десяти солдатъ почтутъ военными отличностями. Прочіе же всѣ сражались только по пустому за свою честь.

Ежели

Ежели посмотрѣть на раздѣленіе награжденій, то можно сказать, что Офицеръ сражался, а солдатъ имъ повелѣвалъ, или что одинъ находился въ дѣйствіи, какъ дежду тѣмъ другой былъ только празднымъ зрителемъ; также, войска нѣкоторыхъ государствъ столь унижены, что, если бы вдругъ появился на землѣ Полкъ (Легіонъ) изъ Греческихъ или Римскихъ войскъ, во всей своей силѣ и когда Дисциплина воинская содержала ихъ въ бодрости и крѣпости, онъ бы поразилъ (не взирая на нѣкоторую храбрость, которою теперь величаются) самые лучшіе Корпусы нашихъ войскъ.

Въ нашихъ войнахъ, Политика не лучшую имѣетъ пользу и отъ Вѣры. Воинство наше поощряется не иными побудительными средствами, какъ своимъ только щастіемъ.

Вообще, наши Европейскіе солдаты, даже и тѣхъ самыхъ государствъ, которыя за православнѣйшихъ почитаются, совсѣмъ почти не имѣютъ никакой Вѣры.

Предводители наши не обрѣтаютъ въ себѣ того рода иступленія (Фанатизма),

которое иногда нужно для поощренія войскъ къ предпріятію великихъ дѣлъ.

Наши Арміи наполнены развратными людьми, коихъ называютъ сильными умами, и которые, по сей самой причинѣ, человѣки весьма слабые; ибо нѣтъ людей болѣе трусливыхъ и менѣе мужественныхъ, какъ тѣхъ, кои не знаютъ, чему вѣрятъ.

Я бы лучше согласился повелѣвать ватагою Магометянъ, нежели частью войскъ развращенныхъ Христіянъ.

Въ собственномъ смыслѣ сказать, нѣтъ въ Европѣ военой школы; покрайней мѣрѣ, ежели сравнимъ то, чему Древніе приписывали названіе сіе, съ тѣмъ, что мы теперь называемъ Экзерциціею войскъ.

Наше воинство представляетъ истинной образъ праздности. Теперь, лѣность одна побуждаетъ къ ремеслу военному. Солдатъ есть человѣкъ, которому нѣчего дѣлать.

Не только чтобъ тѣ, которые здѣлались солдатами, были сильнѣе нежели другіе люди, но напротивъ того они бываютъ гораздо еще слабѣе и менѣе мужественны.

Крѣ-

Крѣпость тѣла у нихъ ослабѣваетъ безъ экзерцицій. Тѣлесная сила людей каждаго государства моглабы усугубиться числомъ и качествомъ Экзерцицій, какія только Политика умѣетъ ввести во употребленіе у разныхъ народовъ.

Всѣ люди родятся почти равными. Одна только система правительства производитъ различіе въ качествахъ тѣлесныхъ.

Предводители наши за всякимъ шагомъ приостанавливаются по причинѣ естественной слабости нашихъ войскъ. Два или три дни работы, и при томъ нѣсколько съ трудомъ, то уже наши Арміи до крайности изнурены. Солдаты наши, привыкшіе въ мирное время вести жизнь сидячую и покойную, вдругъ изнемогаютъ подъ бременемъ военныхъ дѣйствій.

Однако Политика государствъ, не взирая на ихъ тщеславіе, должна сообразоваться съ сею слабостію. Всѣмъ извѣстно, какъ Арміи въ Европѣ погибаютъ, которыя бы оставались въ цѣлости, еслибы путь, къ достиженію побѣды, не былъ столь далекъ и столь труденъ.

Сколько бы многія предводители имѣли выгодъ въ наши времена, еслибы повелѣваемыя ими войска пріучены были итти по военнымъ слѣдамъ Римлянъ.

Недостатокъ военной школы причиняетъ великую потерю въ Арміяхъ Европейскихъ.

Ежели наши войска выведены бываютъ изъ сего состоянія праздности, къ которой недостатокъ упражненій въ мирное время ихъ приучилъ; то они на войнѣ, приходя отъ времяни до времяни во изнуреніе, со всѣмъ погибаютъ.

Менѣе убиваютъ пушки солдатъ, нежели болѣзни.

Не нужно сражаться, для истребленія великихъ Корпусовъ войскъ. Арміи поражаются безъ сраженій. Всегда уже довольно для сего, ежели войска простоятъ въ полѣ, въ теченіе суровыхъ двухъ, или трехъ годовыхъ времянъ, и ежели военныя дѣйствія, принудившія простоять долго въ полѣ, лишать ихъ хотя однажды зимнихъ Квартиръ.

Въ нашихъ нынѣшнихъ войнахъ, великая потеря людей происходитъ не отъ

того,

того, что непріятель убиваетъ. Всегда трагедія бываетъ позади Армій. Дѣйствіе смертей перемѣнилось. Наши гошпитали здѣлались теперь едиными мѣстами сраженій, покрытыми мертвыми тѣлами.

Нужно властелинамъ Европы учинить въ томъ опытъ.

Пусть три или четыре государства, ведущія безпрестанно войну, по окончаніи каждой Компаніи велятъ себѣ подавать реестръ солдатамъ, которые погибли отъ огня и меча непріятельскаго, и тѣмъ, которые отъ болѣзней померли, и пусть увидятъ, что, ежели войны въ наши времена смертоносны, сіе произходитъ отъ слабаго сложенія солдатъ, и что причина оному состоитъ въ недостаткѣ безпрерывныхъ воинскихъ Экзерцицій.

Природа со всѣмъ не перемѣняется; но человѣки перемѣняются, поелику средства, коихъ Политика употребляетъ для содѣланія людей сильными и крѣпкими въ одно время, не могутъ быть къ тому годными въ другое.

Я не думаю, что бы кто захотѣлъ сравнить Экзерцицін нашихъ войскъ, то есть,

есть, наши Эволюціи (движенія), отряды, и проч. съ военною школою Древныхъ: это значилобы, учинить сравненіе между тѣломъ и тѣнью онаго.

Хотя наши войны почти цѣлой вѣкъ продолжаются, однако бываютъ иногда и междувремія, которыя причиняютъ наивеличайшія зла, такъ какъ бы были они и безпрерывны.

Народы Политическаго нашего свѣта никакого не имѣютъ твердаго намѣренія: они, будучи Гражданами въ одно время, дѣлаются Солдатами въ другое. Правительства Европы не имѣютъ времяни, ни учиниться воинственными, ни перестать быть таковыми.

Сіи междувремія отъ смятеній до тишины, наносятъ вездѣ безпорядокъ и замѣшательства.

И поелику отъ одной системы безпрестанно переходятъ къ другой, то и не можетъ у насъ быть никакой системы.

Начала государственныя никакъ не имѣютъ довольнаго времяни утвердиться: а потому они всегда и колеблются. Отъ сего-то произходитъ, что нѣтъ ни одного

ного народа въ Европѣ, коего бы могущество было не зыблимо. Минуты, случаи, обстоятельства, слѣпое щастіе, управляющее произшествіями, ежели можно такъ сказать, содѣлываютъ могущество каждаго государства.

Какъ миръ всегда раждаетъ другія мысли, и что государственное положеніе всегда перемѣняется, то и должно, во всякую войну, возбуждать сызнова въ нашихъ войскахъ воинскія добродѣтели.

Союзныя договоры между Европейскими государями не только не обезпечиваютъ ихъ могущества, но и служатъ почти всегда причинами къ ихъ слабости.

Ежели народъ имѣетъ преимущество въ добродѣтеляхъ воинскихъ, то множество причинъ, замыкающихся во всеобщей системѣ Европы, принуждаетъ его часто, соединять свои пользы съ народами, которые никакой не имѣютъ способности къ войнѣ: а сіе то самое и уничтожаетъ, или покрайней мѣрѣ почти всегда пріостановляетъ собственныя его къ оной способности.

Про-

Прочти исторію о нашихъ союзныхъ договорахъ, за сто лѣтъ, то непремѣнно найдешъ въ ней чудное собраніе такихъ соединеній, которыя во времена Римлянъ никогда не входили въ расположеніе системы Политической народа сего.

Съ другой стороны, нѣкоторой родъ мѣстной заразы, у всѣхъ почти народовъ Европейскихъ, угнѣтаетъ способности воинскія въ государствахъ: каждое имѣетъ свой образъ и способъ сражаться, котораго оно никогда не перемѣняетъ на другой.

Ежели исключить нѣкоторыя малыя перемѣны едва примѣтныя, которыя почти никакого не имѣли вліянія въ воинское искуство нынѣшнихъ народовъ, то найти можно, что употребленія и способы, такъ какъ и оружія, совсѣмъ неперемѣнились; и вотъ явная причина тому, что народы въ Европѣ, имѣющія безпрестанно между собою войны, никакъ не содѣлались ни мужественнѣе, ни храбрѣе; ибо оба сіи качества совсѣмъ почти зависятъ отъ способа, каковой употребляютъ для приведенія ихъ въ дѣйство.

Я намѣренъ здѣсь еще примѣтить мимоходомъ одну причину, могущую послужить доказательствомъ тому, что наши Европейскія правительства совсѣмъ не расположены къ войнѣ; я хочу сказать, что въ художествахъ всѣ народы заняли нѣчто одни отъ другихъ; каждой народъ въ торговлѣ, рукодѣліи и хлѣбопашествѣ перемѣнялъ свои обычаи и употребленія, когда находилъ лучшія, и подражалъ тому способу, которой наиболѣе споспѣшествовалъ его пользамъ: одни только принятыя каждымъ народомъ употребленія на войнѣ не имѣли таковаго слѣдствія въ перемѣнѣ, поелику, со уничтоженія вольныхъ народовъ, какъ будто вселилось въ Европейскомъ правительствѣ нѣкое побужденіе, которое его наклоняетъ ко усовершенствованію художествъ, яко единаго средства, оставшагося для него ко умноженію богатствъ, то есть его могущества: вмѣсто того какъ войны споспѣшествуютъ къ разрушенію онаго.

Принятое каждымъ государствомъ Европейскимъ правило, приводить къ окончанію войну для того, что оно находится

не

не въ состоянiи ее продолжать, довольно уже доказываетъ и то, что ни одно изъ нихъ не можетъ основать оружiемъ могущества своего, поелику правило сiе отнимаетъ у военныхъ добродѣтелей единое средство, какое имъ оставалось къ ихъ усовершенствованiю.

Въ нашихъ войнахъ, народъ сражается противъ другаго потудова, пока примѣтитъ свои невыгоды. Тогда заключаетъ онъ миръ; то есть, всегда въ такое время, когда его отчаянiе нашлобы ему надежныя пособiя къ побѣдѣ.

Наши войны навлекаютъ намъ дѣйствительныя потери, поелику они разрушаютъ и самихъ себя, и средства, кои оставались для вознагражденiя сихъ потерей.

Миръ, которой почти всегда слѣдуетъ за пораженiемъ, отнимаетъ у побѣжденной Армiи надежду избавиться отъ поношенiя; а сiе то ее и унижаетъ.

Солдаты, которые не оставляютъ своего оружiя какъ только тогда, когда поражены бываютъ, суть всегда худые солдаты, ежели ихъ заставятъ опять приняться за оружiе. Сiи междувремiя мир-

мирныя, допускающія войскамъ, послѣ пораженія, взять привычку къ праздности, производятъ то, что они нечувствительно навыкнутъ допускать себя побѣждать.

Если-бы Турки напали теперь на Венеціанъ, я думаю, что они имѣлибы надъ ними верхъ: поелику миръ, по потеряніи Кандіи, приучилъ съ того времяни Венеціанъ бояться Музулманъ, а Музулмане привыкли презирать Венеціанъ.

Но всѣ средства Римской Республики, для утвержденія ея могущества по средствомъ оружій, безъ сомнѣнія были бы не полезны, безъ присовокупленія къ тому философическихъ познаній, основанныхъ на сердцѣ человѣческомъ.

Во всѣ времена, люди управляемы были одинаковыми страстьми; самолюбіе, то есть, собственная своя польза всегда превышала и вѣчно будетъ у нихъ превышать пользу общественную.

Законы перемѣнить его никакъ не могутъ. Самыя лучшія Политическія установленія представляютъ одно только ясное изображеніе слабостей человѣческихъ.

Великїе законодатели древнихъ времянъ, будучи увѣрены о сей истиннѣ, и поступали въ сходство оной. Таковой былъ порядокъ и планъ Римскаго правительства, что гражданинъ къ безсмертїю былъ ведомъ путемъ самихъ подлыхъ его страстей.

Раздѣлъ земель, у Римлянъ, содѣлывалъ всѣ войны личными.

Каждой подданной имѣлъ участїе въ защищенїи государства, поелику дѣло касалось всегда и до его благополучїя.

Республика ничего у себя не имѣла; Государственныя волости были волости народныя.

Отъ пораженїя Рима зависѣло и пораженїе гражданъ. Армїю защищало одно только собственное добро.

На войнѣ дѣло касалось до каждого солдата въ разсужденїи утраты или сбереженїя той части земли, которая доставляла ему пропитанїе: то есть, что дѣло касалось до всего его имѣнїя. А сїе-то самое и содѣлывало воинство Римское непобѣдимымъ: ибо человѣки никогда лучше не сражаются, какъ когда за самихъ себя сражаются.

Ежели

Ежели завести, въ какое бы то время ни было, хотя и въ нашемъ вѣкѣ (въ которомъ ни одно правительство не имѣетъ воинственнаго установленія,) Армію солдатъ, которые бы никакого другаго не имѣли средства для сохраненія своего щастія, кромѣ побѣды, то вдругъ будетъ Армія Цесаря.

Войны Римлянъ не только касались до существенности благополучія каждаго гражданина, но также и до усугубленія онаго.

Земли, завоеванныя у непріятеля, раздѣлялись между войсками, такъ какъ и добыча: а по сему каждой солдатъ, видя умножающееся свое богатство со славою государства, весьма заботился и самъ о томъ, дабы ни чего не дѣлать того, что могло оную славу помрачить.

Какъ теперь нѣтъ болѣе законовъ, касающихся до раздѣла между войсками завоеванныхъ земель, то не могутъ теперь быть и правительства воинскія.

Пользы Государственныя, и пользы частныя содѣлались различными пользами.

Государство много у себя имѣетъ земель и волостей, между тѣмъ какъ многíе граждане со всѣмъ ничего того не имѣютъ.

Солдаты не раздѣляютъ болѣе между собою завоеванныхъ земель. И хотя бы теперь Европейской Государь похитилъ весь свѣтъ, однако воинство, спомоществовавшее ему въ завоеванiи, не выиграетъ отъ того ни пяди земли.

Какiя-бы побѣды не одержали войска, въ нынѣшнiя времена; однако щастiе ихъ нимало не перемѣнится.

Участь воина уже теперь рѣшена: онъ не можетъ обогатиться выиграшемъ сраженiй.

Нѣтъ другой для Европейскаго солдата перемѣны, кромѣ или быть на сраженiи убиту, или послѣ побѣды оставаться столь же бѣднымъ, какъ и прежде былъ.

Жребiй оружiя есть дѣло, касающееся всегда до государя, но никогда до войскъ.

Для воинства все равно, будетъ ли государство завоевано, или оно завоюетъ другое.

Какъ

Какъ воинство не можетъ ничего выиграть, выигравъ все, то оно и нетеряетъ ничего, потерявъ все.

Возможно ли подумать, чтобы Европейское воинство, не принимающее никогда личного участія въ дѣлѣ, заставляющемъ его приняться за оружіе, могло дѣйствовать въ ономъ по тому самому началу, по какому чинило завоеванія воинство Древнихъ, котораго побѣды всегда усугубляли его щастіе?

Выборъ въ солдатахъ былъ причиною тому, что Римъ учинился могущественнымъ посредствомъ войны.

Во всякое время были, въ каждомъ правительствѣ, такія классы гражданъ, кои болѣе привязаны къ Государству нежели другіе, а именно: своимъ произхожденіемъ или соучастіемъ, какое они пріемлютъ въ Государственныхъ дѣлахъ.

Сіи граждане, въ случающихся войнахъ имѣя всегда болѣе потерять, имѣютъ тѣмъ болѣе и участія въ защищеніи государства.

Но хотябы личныя сіи побужденія и не существовали, однако воспитанія ихъ

уже одного довольно къ защищенію ихъ отечества.

Всякъ знаетъ, что во всѣхъ Государствахъ (не выключая и самихъ Республикъ) всегда относилось воспитаніе къ извѣстному классу произхожденія людей: а по сему оно уже одно возможетъ усовершенствовать въ человѣкѣ добродѣтели и качества душевныя.

Если разсудить о томъ классѣ людей, которые, у Римлянъ, были назначены носить оружіе, то никакъ не удивительно, что они возвысили могущество свое посредствомъ оружія. Въ Римской Республикѣ были солдатами наиотличнѣйшіе граждане.

Теперь, самая уничиженная часть изъ народа носитъ оружіе.

Наши солдаты никакою причиною не привязаны къ государству; а отъ сего, какъ завоеванія или побѣды, такъ и пораженія бываютъ имъ равнодушны.

Какъ воинство, въ Европѣ, набирается изъ черни, то оно все вообще и не имѣло никакого воспитанія: слѣдовательно, никогда не можетъ имѣть и благородныхъ чувствованій.

Бла-

Благородная слава, любовь къ отечеству суть только одни пустыя имена, коихъ оно даже и смыслу не понимаетъ.

Пройди различныя званія, составляющія теперь общества, то найдешъ, что общество, какое содѣлываютъ солдаты, наиболѣе преисполнено пороковъ и развратностей, и наименѣе имѣетъ нравственныхъ и гражданскихъ добродѣтелей.

Я не намѣренъ, оскорбишь тѣмъ многихъ храбрыхъ гражданъ, служащихъ въ разныхъ Государствахъ Европейскихъ въ качествѣ простыхъ воиновъ, и отличающихся на войнахъ добродѣтелями и качествами превосходящими и самыхъ Римлянъ: я ихъ почитаю, и имѣю къ нимъ тотъ родъ уваженія, которой всегда возбуждаетъ мужество и истинную храбрость.

Но сіи великіе воины сами признаются, что они смѣшаны съ ватагою людей остервенѣвшихся многими пороками, и ничего другаго въ себѣ и на себѣ не имѣющихъ, кромѣ имени и одежды военной. Безъ строгости воинской дисциплины и страха отъ наказаній, препятствующихъ имъ предаваться самымъ подлымъ и скот-

скимъ похотямъ, большая часть изъ нашихъ Европейскихъ солдатъ окончили бы жизнь свою на Эшафотѣ.

Ремесло оружїя, у нынѣшнихъ народовъ, здѣлалось искуствомъ механическимъ, которое граждане производятъ для того, чтобъ было чемъ жить.

Можно сказать, что сїе ремесло, основанное, какъ теперь говорятъ, на чести, производится въ дѣйство людьми, совсѣмъ никакой чести не имѣющими (*).

Установленїе Римскаго правительства не могло бы быть воинственное, если бы не поселяло, въ душахъ воиновъ его, добродѣтелей такихъ, безъ коихъ они не могли на войнѣ побѣждать.

Умѣрен-

(*) Честь, на которой основано было ремесло оружїя у Древнихъ, совсѣмъ отлична была отъ той, какую мы теперь разумѣемъ. Любовь къ отечеству, рвенїе, содѣлать себя превосходнѣе силою и мужествомъ предъ другими народами, и желанїе превзойти храбростїю всѣ прочїе народы, были пружины приводившїя въ движенїе сїю честь: вотъ причины, о коихъ наши солдаты никакого не имѣютъ понятїя, да и не могутъ его никогда имѣть, если разсудить о ихъ состоянїи и воспитанїи.

Умѣренность и трезвость были отличныя качества между воинствомъ сего народа.

Посредствомъ сихъ то качествъ Республика воздвигла зданіе величія и могущества своего, послику предводители ея находились въ состояніи преодолѣвать на войнѣ всѣ могущія имъ встрѣтиться препятствія. Въ самомъ дѣлѣ, не было ни одной трудности, (какая бы она ни была) которой бы они не преодолѣли.

Римляне умѣли сносить голодъ и жажду. Должноли было поражать непріятеля чрезъ многія дни, безъ пищи и питія? то сіе препятство, которое не одно было для нихъ, никакъ не могло въ томъ остановку имъ здѣлать.

Теперь почитается за крайнюю трезвость между нашими войсками, когда они одни сутки пробудутъ на войнѣ безъ обыкновенной ихъ пищи. И они всегда погибаютъ, если какой непредвидимой случай лишитъ ихъ пищи чрезъ многія дни.

У Древнихъ, предводители Армій имѣли только одно дѣло, то есть, чтобъ

ихъ вести на сраженіе. Но наши предводители имѣютъ еще и другое, гораздо важнѣе, а именно, что бы стараться и о прокормленіи оныхъ.

Способности воинскія Европейскихъ нашихъ предводителей всегда угнѣтаются попеченіями о доставленіи солдатамъ питательныхъ средствъ; и съ войсками приученными къ войнѣ, часто бываютъ они не въ состояніи что нибудь предпринимать.

До начатія воинскихъ дѣйствій, обязаны они везти съ собою безчисленныя военныя припасы (муницію); и какъ сіе почти всегда великому подвержено затрудненію, то весьма часто дѣйствія сіи останавливаются, и многочисленныя Арміи погибаютъ, стоя предъ непріятелемъ, не учинивъ ни одного сраженія.

Питательныя средства зделались теперь самою существеннѣйшею частію воинского искуства.

Предводитель, которой не знаетъ подробно сего дѣла, не способенъ служить Государству.

Наши Офицеры, до полученія начальства, обязаны проходить всѣ степени Комиса-

мисаріатской должности, что уже весьма много отнимаетъ у нихъ времени для усовершенствованія качествъ, клонящихся къ великимъ дѣламъ: ибо люди, занимающіеся многими малыми дѣлами упускаютъ великія.

Но что всего болѣе доказываетъ, что установленіе Римского правительства было расположено къ веденію безпрестанныхъ браней, есть и то: что, на войнѣ, точно приказано было солдатамъ побѣждать или умирать.

Какъ могущество сей Республики основано было на оружіи, то и неслѣдовало войнамъ быть неизвѣстнымъ. А по сему для рѣшенія оныхъ нужно было, чтобъ нарочитое повелѣніе содѣлывало солдата побѣдоноснымъ.

Законъ сей, которой не существуетъ ни въ одномъ Европейскомъ Государствѣ, для того что нѣтъ ни одного воинственного, всегда показываетъ то, что выиграшъ нашихъ баталій никогда не можетъ быть извѣстнымъ.

Храбрость Европейскихъ солдатъ не совсѣмъ не подвержена сомнѣнію. Ни одно

вой-

войско, идучи противъ непріятеля, не опредѣляетъ себя побѣждать или умирать.

Оно всегда предполагаетъ себѣ одно: въ случаѣже неудачи, всегда избѣгаетъ другое, потому что оно сіе чинить можетъ.

Тѣ, кои побиты на сраженіи, всегда остаются со славою: но умерли они для того, что не могли участи сей избѣжать.

Нѣтъ ничего обыкновеннѣе въ нашихъ войскахъ, какъ зрѣть цѣлыя Арміи бѣгущія, растроивающіяся, или оставляющія свой станъ, часто по пустой тревогѣ.

Всѣ исторіи наполнены неосновательными ужасами нашихъ войскъ.

Воины Римскіе, которые, сражаясь, желали побѣдить или умереть, совсѣмъ о томъ ничего не знали.

У сего воинственнаго народа, ремесло оружія никакъ не было случайнымъ дѣломъ: тѣ, кои опредѣлялись въ воинскую службу, были воспитаны къ тому съ самаго дѣтства: и война почиталась у нихъ за искуство, въ которомъ должно было во всю жизнь упражняться.

Въ

Въ Европѣ совсѣмъ нѣтъ перваго къ сему состоянію приуготовленія: дѣлаются военными людьми, не учась никогда быть таковыми; отъ того-то во всѣхъ Государствахъ много войскъ, но мало воиновъ.

На конецъ, воинское установленіе Римлянъ подавало солдатамъ такую довѣренность, которая уже одна споспѣшествовала имъ одерживать побѣды.

Нѣтъ лучшего средства для содѣланія народа побѣдоноснымъ, какъ заблаговремянно приучать его думать, что онъ непобѣдимъ.

И это можетъ быть одна только есть сторона человѣческаго честолюбія, изъ котораго Политика можетъ почерпать пользу.

По убѣжденію себя о превосходствѣ своемъ предъ другими, дѣйствительно превзойдешъ ихъ. Отъ убѣжденія до побѣды нѣтъ совсѣмъ промежутокъ.

Установленіе Государственное Рима приучало Римлянъ, взирать на всѣ окружавшіе ихъ народы, какъ на людей, кои назначены были имъ повиноваться. И такъ

можно

можно сказать, что они уже до покоренія свѣта подъ свою власть, оной завоевали.

Какую-бы теперь обиду не претерпѣвало одно Государство отъ другаго, однако не можетъ объявить ему войны, ежели не имѣетъ казны, пружины приводящей воинскія дѣйствія въ движеніе.

Одни только богатства управляютъ воинскими добродѣтелями. Великое или малое число солдатъ, въ Государствѣ, зависитъ отъ Государственной казны. Ежели нѣтъ денегъ, то нѣтъ и войскъ.

Золото и серебро суть единыя пружины, приводящія въ движеніе мужество и храбрость: безъ сихъ металовъ, оба сіи качества ничего не значатъ. Государство много можетъ имѣть подданныхъ; но это одни люди, а не солдаты.

Весьма далеко отстоитъ отъ того, что бы государственное правило Римлянъ клонившееся къ содѣланію солдатомъ гражданина, привязанного къ Республикѣ нѣкоторою причиною, было принято въ нынѣшнихъ нашихъ правительствахъ.

Вообще, солдаты наши не имѣютъ ни пяди земли въ собственномъ владѣніи, въ

томъ

томъ Государствѣ, для защищенія котораго они вооружаются; а по тому все для нихъ равно, если непріятель его и завоюетъ : ибо , хотя Государство и все теряетъ, но они ничего.

Какъ солдаты принимаются за оружіе только въ томъ намѣреніи, чтобъ пользоваться жалованьемъ, которое во всѣхъ Государствахъ почти одинаково, то самомалѣйшее неудовольствіе можетъ всегда служить поводомъ къ переходу изъ одной Арміи въ другую.

Нѣтъ ничего обыкновеннѣе , какъ видѣть на войнѣ солдатъ , сражающихся на другой день противъ того Государя , за котораго они вчера воевали.

Въ Европѣ удивительно то, что побѣги безпрестанно между войсками чинятся; но не видятъ ли и того, что солдаты ничемъ къ своему Государству не привязаны, и что они, судя по существенности самого дѣла, весьма мало считаютъ себя быть привязанными какъ къ одному такъ и къ другому правительству: а изъ того и слѣдуетъ , что цѣлыя

Армїи со всѣмъ изчезаютъ, безъ сраженій (*).

Предводитель, со стами тысячами войска, ни въ чемъ и никакъ не надеженъ: ибо, поелику солдаты его не болѣе привязаны къ нему какъ и къ непрїятелямъ его, то и не можетъ онъ думать о вѣрной побѣдѣ или завоеванїи: всѣ его системы часто испровержены бываютъ, и дальновидность его недѣйствительною остается; поелику весьма часто случается, что воинскїя его силы подкрѣпляютъ ту державу, которую онъ намѣревалъ поразить.

Ремесло оружїя, въ каждомъ правительствѣ нашемъ, даже и въ Республиканскихъ, со всѣмъ отлично отъ всѣхъ другихъ; и не только, чтобы оно служило къ полученїю статскихъ должностей, но еще и затворяетъ оной (**).

Въ нынѣшнее время, солдатъ есть отдѣленное существо, и къ правительству граж-

---

(*) Мы, въ наши времена, видѣли сему примѣръ.

Армїя Монтемара, въ Италїи, пропала чрезъ побѣги.

(**) Выключая въ Англїи и Россїи.

гражданскому никакъ не относящееся: онъ не можетъ иначе приобрѣсть себѣ уваженіе, какъ только посредствомъ оружія: и сіе уваженіе, по существу своему, весьма сомнительно; и не только что бы другія добродѣтели происходили отъ воинской добродѣтели, но напротивъ того первыя изчезаютъ въ послѣдней.

Теперешняя слава имѣетъ только одинъ путь, ведущій къ почестямъ; на противъ того у Римлянъ она имѣла и другія великія стези, ведшія къ онымъ естественнымъ образомъ.

Какъ не имѣется никакой особливой чести, сопряженой съ ремесломъ солдатскимъ, то до вступленія въ военную службу и не требуется показать какое либо къ тому дарованіе, а и того менѣе отличиться какою военною Экзерциціею. Наши войска вообще составляютъ классъ людей самыхъ глупыхъ и менѣе проворныхъ тѣхъ людей, кои содѣлываютъ другія общества въ каждомъ государствѣ.

Мнѣ кажется, что можно сіе изложить такимъ образомъ: наши солдаты, на войнѣ, суть вторыя только причины, а по тому

все будетъ хорошо, лишь бы только выполнить въ томъ намѣренiе.

Что солдатъ, не взирая на систему нашихъ безпрестанныхъ браней, считается за ничто, доказываетъ и то, что весьма мало заботятся о его сохраненiи.

Выше сего сказали мы, какое попеченiе имѣла Римская Республика о соблюденiи жизни воинства своего. Система сiя не принята ни однимъ Европейскимъ государствомъ. Жизнь солдата, въ теперешнiя времена, походитъ на нѣкоторой родъ игрушки слѣпого случая. Нѣтъ никакихъ для него предосторожностей противъ смерти. Можно сказать, что и храбрость есть ни что другое, какъ страсть или охота истреблять свой родъ. А потому то великiя нынѣшнiя Армiи погибаютъ тамъ, гдѣ у Древнихъ едва только было нѣсколько раненыхъ.

Поелику Республика прилагала раченiе о сохраненiи солдатъ, обезпечивая ихъ отъ опасностей шлемами, шишаками и латами, то и можно было ей установить таковыя Государственныя правила и начала, кои никакъ не совмѣстны въ нынѣшнихъ

нихъ правительствахъ нашихъ: я хочу напомянуть о томъ предписаніе, которое повелѣвало войскамъ побѣждать или умирать.

Нѣтъ ничего обыкновеннѣе въ Европѣ, какъ зрѣть разбѣгающіеся цѣлые корпусы войскъ, которые въ другихъ случаяхъ, были храбры, и непоколебимо стояли противъ непріятеля. Одного не основательнаго и пустаго страха всегда довольно для сего. Учрежденія же Римлянъ воинскія предупреждали сіи страхи.

Политика Римлянъ имѣла причину привязывать солдата къ государству присягою: въ народѣ, покланяющемся божеству, всегда производитъ она хорошее дѣйствіе. Но въ разсужденіи теперешнихъ войскъ, присяга содѣлываетъ одинъ только обрядъ.

Но что Государственное установленіе Римлянъ было воинственное, и что оно могло сохранено быть посредствомъ одного только оружія, подтверждаетъ все мною по сюда сказанное болѣе и то, что они, въ теченіе многихъ вѣковъ, вели войны.

Не понятно уму, ежели разсудить о народѣ, сражавшемся въ теченіе пяти вѣковъ, но которой не былъ угнѣтенъ бременемъ своихъ побѣдъ.

Нѣтъ теперь ни одного въ Европѣ народа, которой бы въ прахъ не раззорился, если бы онъ велъ войну чрезъ пятьдесятъ лѣтъ.

И сколько бы онъ ни учинилъ сряду завоеванїй, однако все же погибнулъ бы: да и подъ развалинами собственныхъ своихъ прибылей былъ-бы на конецъ погребенъ.

ГЛАВА IV.

О равновѣсїи державъ.

Европа поддерживается собственною своею силою. Система равновѣсїя, которая почитается за славное дѣло Политики нашихъ времянъ, со всѣмъ не изобрѣтена: она образовалась сама собою.

По протеченїи вѣковъ, невѣжества и варварства исполненныхъ, всѣ народы, познавъ

навъ необходимость Политическихъ и Гражданскихъ правленій, установили между собою публичное право народное (*).

Вотъ, какъ я думаю, точное начало равновѣсія Европы.

Но сія система не могла бы быть учреждена, ежели бы прежде не образовалась не чувствительно, такъ сказать, Геометрическая пропорція силы во власти, относящейся до каждаго государства: ибо безъ того иныя народы, удержавъ преимущество свое, не захотѣли бы вступить въ проектъ общаго равновѣсія, или лучше сказать, разрушили бы оной.

Однако можно сказать, что система равновѣсія есть дѣло времени, а не дѣло человѣческое; и безъ сомнѣнія много вѣковъ потребно было, чтобъ Европу къ тому предуготовить.

Можетъ-быть при окончаніи правленія Людвига XIII. начался тотъ періодъ, когда

(*) То есть, привели въ совершенство то самое, которое было уже установлено; ибо не могутъ существовать общества, даже и у самихъ варваровъ, тамъ, гдѣ нѣтъ никакого права народнаго.

когда произшествію сему должно было воспослѣдовать.

Исторія дѣлаетъ въ томъ честь Кардиналу Ришелью, но смѣшиваетъ дѣло съ обстоятельствами.

Ришелье былъ только Политическимъ оружіемъ, соединившимъ вмѣсто всѣ части равновѣсія.

Политика, говоря о семъ министрѣ, всегда забываетъ, что онъ человѣкъ.

Если бы состояло въ волѣ или возможности Кардинала Ришелья содѣлать перевѣсъ во властяхъ Европы; если бы онъ имѣлъ въ рукахъ всѣ припасы къ сооруженію равновѣсія, то онъ бы никогда не произвелъ его въ дѣйство.

Тщеславіе непремѣнно заставило бы его содѣлать Францію, коею онъ управлялъ, обладательницею Европы, вмѣсто того, чтобъ допустить ее войти въ распоряженіе равновѣсія.

Но современи воспослѣдовавшаго въ Европѣ равновѣсія, каждое Политическое правительство возымѣло въ себѣ самомъ Центръ могущества, и величія начало, со

всѣмъ

всѣмъ различное отъ начала другихъ государствъ.

Всѣ части Европы возымѣли дѣйствіе особое, а движеніе общее. Система земная учинилась подобною небесной.

И какъ общая власть Европы нашлась сама по себѣ раздѣльною на безчисленныя частныя вѣтви, и государства приняли намѣренія особенныя, а связь общую: однимъ словомъ, когда Европа раздѣлена стала на многія части, то равновѣсіе, происшедшее отъ сего новаго раздѣленія властей, учинилось не премѣннымъ (*), поелику нѣтъ уже болѣе возможности, чтобы толико противурѣчущія одни другимъ намѣренія соединены были въ единое намѣреніе.

Въ теперешнее время, по видимому, не возможно Политикѣ какого нибудь самодержавца, сколько бы онъ не имѣлъ способностей и средствъ, захватить (пусть

 позво-

(*) Равновѣсіе Европы состоитъ во множествѣ намѣреній и предпріятій, связывающихъ вмѣсто государства. Равновѣсіе зависитъ отъ разности средствъ, употребляемыхъ разными правительствами для соблюденія равновѣсія.

позволено мнѣ будетъ такъ сказать) составъ всѣхъ связей различныхъ, чтобъ завладѣть общимъ равновѣсіемъ: самъ Кромвель увидѣлъ бы въ томъ неудачу: тщеславіе его обратилось бы противъ него самого.

Насиліе не лучшій имѣло бы въ томъ успѣхъ. Европейской Александръ, которой бы теперь родился, весьма бы уже поздо появился на свѣтѣ.

Христіянскій Государь, которой бы предначерталъ планъ ко установленію всеобщей Монархіи, не только почитался бы за сумашедшаго, но и планъ бы его былъ безтолковой. Ему-бы должно было употреблять коварства, насилія; ему бы нужно было похищать государства; и все то чтобы онъ ни выигралъ отъ сихъ завоеваній, состояло бы только въ томъ, что далъ бы другой видъ общей системѣ Политической.

А если бы и случилось, что его завоеванія преступили извѣстныя границы; то тогда бы страхъ, соединивъ вмѣсто всѣхъ Государей пользы, образовалъ изъ остатка Европы союзъ наступательной

и оборонительной, которой бы скоро заставилъ его войти въ естественныя его предѣлы могущества. Съ другой стороны разумъ, умоначертанія разныхъ народовъ, различія въ законѣ, во нравахъ, обрядахъ и обычаяхъ представляли бы ему такія препоны, каковыя и Цесарямъ не встрѣчались.

Тщетно нѣкоторыхъ державъ Политика хотѣла почерпать прибыли отъ слабости другихъ государствъ, стараясь наклонить вѣсы на свою сторону; но общая польза всегда ихъ поддерживала: ибо вся Республика Европейская печется о ихъ цѣлости и сохраненіи.

Да и не можетъ быть, нѣкоторымъ образомъ, (судя по отношенію частныхъ властей) совсѣмъ слабыхъ государствъ, поелику всеобщая власть Европы сообщаетъ свою силу каждому правительству, коего степень низкости могъ бы легко поколебать равновѣсіе съ какой нибудь стороны.

Какъ любочестіе государей вездѣ одинаково, а желаніе владычествовать всѣ прочія превосходитъ желанія; то бы уже давно

давно не было равновѣсія, если бы оно могло быть разрушено.

Въ самихъ страстяхъ Государей, и во рвенїи расширять до безконечности могущество и власть свою, состоитъ непоколебимость общаго равновѣсія. Если бы равновѣсїе сїе было дѣло системы, то бы другая система могла его разрушить.

Равнымъ образомъ, соблюденїе общаго равновѣсія ни мало не состоитъ въ единодушномъ согласіи всѣхъ властелиновъ; надобно только познать умоначертанїя человѣческія, чтобы увидѣть, какое бы великое было чудо, если бы многїе Государи чрезъ все столѣтїе не изобличали другъ друга во лжи ни на одну минуту. И ежели впрочемъ остальное поведенїе ихъ ясно доказываетъ, что они такїе же человѣки какъ и всѣ другїе, то для чего же требовать, чтобы они въ семъ случаѣ одномъ были Ангелами.

Равнымъ образомъ очевидно и то, что, если бы сїе равновѣсїе со всѣмъ зависѣло отъ совѣтовъ Кабинетскихъ, оно бы было разрушено, поелику по видимому не возможно, чтобы большая часть изъ

онымъ

оныхъ не была ложная, и слѣдовательно не разрушила равновѣсія.

Уже почти сто лѣтъ миновало, какъ существуетъ система сія: и мы чрезмѣрно много припищемъ человѣчеству, если почтимъ его способнымъ для соблюденія дѣла своего чрезъ толь долгое время.

Тѣ, кои по безумію своему принимаютъ равновѣсіе за дѣйствіе связей Политическихъ, почитаютъ также неосновательно за государственную погрѣшность и то, что только бываетъ необходимымъ слѣдствіемъ, произтекающемъ отъ распоряженія вещей и дѣлъ, кои входятъ въ непремѣнной порядокъ равновѣсія общаго.

Если бы, какъ-то безпрестанно твердятъ, соединилась Франція въ такомъ-то или въ такомъ случаѣ съ Англіею, то-бы вся Европа погибла.

Если бы Австрійской Дворъ заключилъ союзъ въ такомъ-то обстоятельствѣ съ дворомъ Бурбонскимъ, то-бы не было болѣе равновѣсія, и проч.

Но, никогда не вникаютъ въ правила и начала почерпнутыя изъ самого равновѣсія, которыя, содѣлывая цѣпь вторыхъ при-

причинъ, наносятъ непреодолимыя препятствія для сихъ союзовъ.

Если-бы впрочемъ недостатокъ свѣденій, большой части Государей, о собственныхъ своихъ пользахъ могъ испровергнуть равновѣсіе, то-бы оно болѣе не существовало.

Исторія наполнена политическими ошибками, я хочу сказать, союзами худо-заключенными, войнами предпріятыми не во время, завоеваніями разорительными, неутралитетами неумѣстными и проч. Однимъ словомъ, если со вниманіемъ читать исторію о договорахъ и переговорахъ Европейскихъ; если пройти Исторію о ея Конгресахъ; на конецъ, если сличить между собою всѣ произшествія Европейскія вѣка сего, то можно увидѣть, что, ежели-бы равновѣсіе не имѣло подпоры независимой отъ политики, оное-бы часто испровергаемо было.

Безчисленное множество предпріятій разныхъ государствъ послужили бы толикимиже средствами, стремящимися къ разрушенію онаго: да не преминули-бы разрушить его и тѣ, кои со сто уже лѣтъ

бьютъ

бьютъ въ набатъ о соблюденіи равновѣсія въ Европѣ.

Система равновѣсія безпрестанно сама собою поправляется; то, что одна Держава теряетъ съ одной стороны, другая выигрываетъ съ другой, такъ что равновѣсіе всегда пребываетъ одинаково: вѣсовщикъ одинъ только перемѣняетъ руку, и какъ весьма хорошо говоритъ сочинитель (*): *Какое бы движеніе ни было колеса, однако оно ни чего другого не дѣлаетъ, кромѣ что перемѣняетъ мѣста.*

Пусть истребятся многія государства; пусть новыя созидаются, то могущество первыхъ послужитъ основаніемъ могуществу вторыхъ: а чрезъ то, равновѣсіе перемѣнитъ только мѣсто, не преставая существовать, поелику причины, поддерживающія оное, никакъ не зависятъ отъ средствъ, коихъ Государи могутъ употреблять для сохраненія онаго.

Гораздо бы удобнѣе было, совсѣмъ иностранной власти покорить Европу подъ иго свое, нежели то возможно какому либо Европейскому Монарху учинить.

Еслибы

(*) Сочинитель завѣщанія Кардинала Алберони.

Еслибы равновѣсіе Европы должно было когда нибудь кончиться, то бы оно только вышепомянутымъ образомъ кончилось; но доколѣ сія часть свѣта имѣть будетъ тѣ же самыя нравы, ту самую Вѣру и туже самую Политику, какая теперь существуетъ, то общее равновѣсіе властей всегда пребудетъ одинаково.

Общая власть, установляющая теперь равновѣсіе Европы, раздѣлена геометрически: каждое государство имѣетъ изъ сей власти, такъ сказать, нужное только количество для содѣйствія въ соблюденіи сего равновѣсія; да и не возможно, чтобы кто изъ Государей могъ получить большую часть изъ оной общей власти; и если бы одна вѣроятность противорѣчія въ томъ существовала, то бы съ самой той минуты не было болѣе равновѣсія.

Тѣ, кои полагаютъ, что Англія держитъ въ своихъ рукахъ руль общей власти, всегда говорятъ нелѣпицу; ибо еслибы сіе государство довольно пріобрѣло власти, чтобъ дать движеніе вѣсамъ, то бы оно наклонило ихъ на свою сторону

а

а съ сего времени и не было бы болѣе равновѣсія.

Пусть не говорятъ, что Англія, по любви къ общей вольности, поддерживаетъ равновѣсіе властей.

Или она сама опасается въ разсужденіи собственной своей вольности, или намѣрена разрушить вольность Европы.

Общества или народы подобны человѣкамъ; они всегда разсматриваютъ свои дѣла (*) предъ всеобщею республикою.

У каждого народа имѣется въ предмѣтѣ государственная польза, подъ видомъ которой всякой хочетъ играть роль освободителя Европы.

Полагающіе, что равновѣсіе можетъ быть разрушено, представляютъ тому одни только правдоподобныя причины.

Говорили, напримѣръ что, если бы Людвигъ XIV. имѣлъ способности и разумъ

(*) Что разныя государства ни дѣлаютъ для равновѣсія, все же къ нимъ относится. Правда что и все то также служитъ къ подкрѣпленію равновѣсія, что по удачной связѣ, существующей теперь въ политическомъ свѣтѣ, ни дѣлаютъ для себя государства.

зумъ Густава Великаго: если бы другой въ Англіи родился Кромвель, если бы другой Петръ Великій появился въ Россіи, то бы небыло болѣе равновѣсія.

Однако о томъ не помышляютъ, что, ежели-бы то и случилось, всѣ бы связи политическаго нашего свѣта воспріяли на себя другой видъ.

Тогда-бы разныя въ Европѣ государства, сообразуясь со степенемъ силы и могущества сихъ властелиновъ, расположили бы и свои по тому намѣренія, а власть ихъ раздѣлили бы по новому плану.

Но обыкновенно судятъ Политики по пристрастію о томъ, что бы возмогъ мудрый Государь сдѣлать тѣмъ, чемъ менѣе мудрой что нибудь сдѣлалъ.

Они всегда выводятъ послѣдствія изъ причинъ, которыя-бы тогда не были болѣе тѣже самыя.

Полагаютъ, что, ежелибы вдругъ родились два или три Государя Великіе, то-бы остатокъ Европы, будучи безтолковой, и безъ дѣйствія, не нашелъ-бы уже никакой себѣ помощи, и непремѣнно бы уже подпалъ подъ иго.

Никогда

Никогда не примѣчаютъ того, что сіи Монархи Великіе, приводя въ наивеличайшую дѣятельность частную свою власть, должны необходимо сообщать оную и всеобщей власти: и что тѣ самыя средства, кои употребляютъ они для усугубленія величія своего, служатъ подпорою для воздѣйствованія величія и другихъ.

Людовику XIV. всѣ государства обязаны за степень могущества, на которой они теперь возведены.

Отъ того самого, что сей Государь былъ Великой, видѣли тогда многихъ Государей Великихъ.

Всѣ вѣтви всеобщей власти приросли, и слѣдовали въ томъ Франціи: а сіе самое, съ того времяни, столькоже служило къ соблюденію равновѣсія въ Европѣ, сколько и прежнее состояніе слабости ея.

Равновѣсіе Европы никакъ не состоитъ въ единой связѣ непоколебимой и вѣчной: оно только поддерживается безпрерывною перемѣною связей, такимъ образомъ, что разрушеніе одной есть всегда началомъ другой: и вотъ причины слѣдующія одни

за другими, по мѣрѣ ихъ уничтоженія обоюднаго.

Если-бы равновѣсіе Европы имѣло одну только связь, то-бы можно было установить тогда правила и средства надежныя къ разрушенію онаго, поелику все то, что подвержено ограниченному закону, предполагаетъ опредѣлительное начало, могущее другимъ противнымъ испровергнуться.

Сверхъ того, если бы всегда были тѣ-же самыя припасы, кои принадлежали къ сооруженію равновѣсія властей, то бы зданіе рушилось наконецъ отъ ветхости.

Равновѣсіе Европы, имѣя одну только связь, нашлось бы, по протеченіи нѣсколькихъ вѣковъ, погребеннымъ подъ собственными своими развалинами.

Было говорено, что равновѣсіе Европы рушилось : что три первыя державы, которыя теперь Европою располагаютъ по своему произволу, могли бы оную завоевать и между собою раздѣлить.

Тѣ, кои умствуютъ такимъ образомъ, со всѣмъ ничего не знаютъ о существенности разума человѣческаго, то есть, о

томъ,

томъ, что возможетъ любочестіе надъ сердцемъ человѣческимъ.

Касательно до раздѣленія всеобщей власти, то три совмѣстника содѣлываютъ то же, что и двадцать; а двадцать не болѣе ста.

Затрудненіе состоитъ не столько можетъ-быть въ насильномъ похищеніи всеобщей власти, сколько въ геометрическомъ ея раздѣленіи.

До колѣ въ Европѣ будутъ три сильныя и могущія державы, кои бы захотѣли всю ее себѣ покорить подъ власть, по толь никогда Европа не будетъ завоевана.

А что сіи три власти могутъ присвоить общее владычество, есть одно только предугадываніе; ибо кромѣ множества вторыхъ причинъ, могущихъ противоборствовать сему намѣренію, никакъ не походитъ на правду и то, чтобы они были въ состояніи произвести то въ дѣйство.

Три сіи Двора, коихъ могущество толь далеко простираютъ, въ самомъ дѣлѣ разорены болѣе, нежели другіе, поелику

со сто уже лѣтъ тому, какъ они, судя по отношенію, во всѣхъ войнахъ наиболѣе истощили силъ, нежели другіе. По мѣрѣ дѣйствія и движенія, могущество ихъ почти изнурено, и ничего имъ не осталось отъ ихъ величія, кромѣ имени.

Великая находится погрѣшность во всеобщей Европейской системѣ, которая состоитъ въ томъ, чтобъ не уважать, при новомъ возвеличіи государствъ, силы существенной противъ относительной.

Сомнительно и то, чтобы Франція была теперь могущественнѣе, нежели во время Франциска I. Подлинно Франція была бы могущественнѣе, если-бы всѣ другія Европейскія государства оставались и теперь въ томъ самомъ степени слабости, въ которой они тогда были. Но какъ и они усугубили свою силу въ равномъ степени, то сія Монархія можетъ быть и совсѣмъ ничего не присовокупила къ прежнему могуществу своему.

То же самое можно сказать и о Домѣ Австрійскомъ, коего власть со всѣмъ не прибавилась, поелику сила другихъ государствъ по той же самой пропорціи усугублялась.

Во

Во время Франциска I. многія государства, которые теперь затмѣваютъ Францію, за ничто ставились въ Европѣ: иныя изъ нихъ не были тогда еще образованы: а нѣкоторыя и совсѣмъ не существовали.

Когда Домъ Австрійскій поставленъ былъ въ число могущихъ, тогда народы, коихъ онъ вскорѣ привелъ въ страхъ, находились въ слабомъ состояніи: а сіе самое содѣлывало его власть гораздо страшнѣе.

Англія, съ дватцатью линейными кораблями и небольшимъ рукодѣліемъ, имѣла тогда въ политическія Европейскія дѣла гораздо болѣе вліянія, нежели теперь со многочисленными флотами и торговлею, распространившеюся въ цѣломъ свѣтѣ.

Можетъ-быть теперь уже не время разрушить равновѣсіе государственными погрѣшностями.

Много говорено о завоеваніи Минорки. Тѣ, кои мѣшаются перетолковывать системы, полагали, что это бы со всѣмъ не ожидаемой былъ ударъ, каковой только Политика могла-бы въ дѣйство произвести со

многихъ вѣковъ. И по ихъ мнѣнїю, Францїя бросила бы, какъ говорено, топорище за топоромъ. Также не умедлили вычеканить и медаль тому въ скорости.

По ихъ толкамъ, предпрїятїе сїе, которое однако ни коимъ бы образомъ не имѣло успѣху, въ прахъ разрушило-бы морскїя силы Францїи: а чрезъ то самое вся торговля обоихъ морей не возвратно бы уже перешла въ руки Агличанъ: и оно, уничтоживъ художества и рукодѣлїя, отъ коихъ Французское правительство почерпаетъ все свое могущество, истребило-бы и его на всегда.

Однимъ словомъ, чрезъ сїе произшествїе, всѣ части Монархїи сей, будучи безъ движенїя и дѣйствїя, упали бы одни на другихъ: и на ихъ развалинахъ должна бы была Англїя соорудить величїе свое.

Если-бы Аглинской Флотъ поразилъ Французской, то вотъ воспослѣдовало-бы что такое: многїя державы Европейскїя, которыя прежде были неутральны, вдрухъ-бы объявили Англїи войну. Всѣ бы политическїя связи перемѣнились. И государства, кои

кои до сего произшествія были врагами Франціи, содѣлались бы ея пріятелями; а напротивъ того тѣ, кои благопріятствовали Англіи, учинились бы ея врагами.

Трактаты союзныя простираются только до извѣстныхъ предѣловъ, изъ которыхъ они никакъ не выходятъ: нѣтъ ни родства, ни дружескихъ связей, кои бы ихъ могли удерживать: и Политика не можетъ итти противъ собственныхъ своихъ пользъ. Ежели одинъ государь соединяется съ другимъ, то сей союзъ продолжается до толь, пока оной не будетъ вредить взаимнымъ ихъ пользамъ.

Ежели онъ, обязавшись ему вспомоществовать, не достигаетъ до своего намѣренія; или вспомоществуя ему, усугубляетъ нѣсколько болѣе могущество его; то и принужденъ онъ оставить тогда союзника своего, и (что весьма часто случается) заключить союзъ съ его непріятелемъ, дабы разрушить собственное свое дѣло.

Прочти исторію всѣхъ времянъ и всѣхъ народовъ, то найдешъ, что союз-

ныя договоры ни на чемъ другомъ основывались, какъ на личной пользѣ каждой изъ договаривающихся сторонъ, и что со всѣмъ не трактаты образуютъ произшествія, но напротивъ того произшествія раждаютъ трактаты.

Система равновѣсія не имѣетъ твердой подпоры: она безпрестанно сама собою колеблется: каждая перемѣна во всеобщей власти производитъ перемѣну и въ равновѣсіи.

Ежели разсмотрѣть причины, сохранявшія по сіе время равновѣсіе, то можно сказать, что сохраняетъ его, такъ сказать, нѣкая самостоятельная дѣятельность, со всѣмъ отъ Политики не зависящая.

Не успѣла еще Франція положить основаніе величію своему, казавшемуся нарушить равновѣсіе общее, какъ вдругъ узрѣли въ Россіи (то есть, въ землѣ, погруженной въ невѣжествѣ, и до толѣ въ Европѣ ничего незначившей) возвышавшійся великой народъ, которой, по средствомъ своихъ въ Германіи союзовъ, нашелъ себя въ состояніи поколебать равновѣсіе властей.

Новой

Новой сей перевѣсъ образовался ни переговорами, ни Политикою.

Петръ, Царь Россійскій, со всѣмъ не вѣдалъ и самъ того, что дѣлалъ, дабы учиниться великимъ.

При начертаніи имъ плана, единственно только клонившагося къ тому, чтобъ дать новой видъ Политическому и Гражданскому своему правительству, и изъ народа невѣжествовавшаго содѣлать народомъ просвѣщеннымъ, со всѣмъ онъ не думалъ о той тяжести, какую новое его могущество должно будетъ имѣть въ равновѣсіи Европы.

Одна Италіанская Республика, тонкими и хитрыми своими поступками, въ теченіе многихъ вѣковъ, увеличивая нечувствительно свое могущество, готовилась покорить себѣ подъ власть (*) нѣкоторую часть Италіи, чрезъ что непремѣнно бы

(*) Хотя вообще и не приписываютъ умысла сего Венеціанамъ, однако не оспоримо и то, что ихъ могущество, которому многія малыя государства сосѣдніи не были уже въ состояніи противиться, могло ихъ къ тому привлечь.

поколебалось равновѣсіе, если бы Турки, уменьшая завоеваніями своими силы Республики оной, не привели его въ первобытное состояніе.

И это со всѣмъ не было дѣло Политики: Порта видѣла одну только себя на войнѣ Кандійской.

Что касается до христіянскихъ государей, то они такъ худо разумѣли свои пользы, что, ежели бы намѣренія ихъ согласовались, Морея отошла бы отъ Порты Оттоманской.

Съ другой стороны, немного уже доходило и до того, что всею Италіею завладѣлъ было одинъ Монархъ: а именно, намѣревались покорить ее подъ свою власть Домъ Австрійской, или Бурбонской; чрезъ что непремѣнно-бы поколебалось всеобщее равновѣсіе, если-бы въ одномъ изъ самихъ малыхъ государствъ сея страны не возвысилось могущество, которое противуборствуя попеременно двумъ наистрашнѣйшимъ державамъ Европы, спасло отъ того Италію.

Щастіе Герцога Савойскаго есть одно изъ такихъ произшествій, о коихъ немного

ду-

думали, а особливо въ разсужденіи времени и обстоятельствъ, въ коихъ оно образовалось, такъ какъ и въ разсужденіи малыхъ пособій и средствъ, коихъ оно въ себѣ самомъ замыкало, чтобы учинить сего владѣльца могущественнымъ.

Не взирая на проектъ, чинимой со сто уже лѣтъ Франціею, для уменьшенія могущества Дома Австрійскаго, власть его однако, слѣдствіемъ вторыхъ причинъ споспѣшествуемая въ томъ, чтобъ учиниться страшною, также угрожала разрушить самое сіе равновѣсіе, еслибы Германской самодержецъ (*) не принялъ на себя труда опять востановить оное.

Могущество Короля Пруского равномѣрно поставляется въ число отмѣнныхъ и рѣдкихъ произшествій. Возвышеніе его про-

---

(*) Можетъ-быть скажутъ, что причиною сему произшествію была Политика Франціи, ненашедшая лучшаго средства для уменьшенія власти Австрійскаго Дома, какъ только вспомоществуя возвеличію власти Короля Прускаго; но теперь всякъ ясно видитъ, въ разсужденіи ея союза съ Домомъ Австрійскимъ, что она на конецъ узнала и сама то, что не достигла до предположеннаго ею намѣренія.

противно всѣмъ системамъ, существующимъ въ политическомъ нашемъ свѣтѣ.

Весьма къ статѣ замѣтить въ Исторіи, что государь изъ сего Дома мѣрялъ силы свои съ силами Императора Римскаго и Франціи, вкупѣ соединенными: никто тому можетъ быть не повѣритъ.

Многія государства, посредствомъ новыхъ системъ о торговлѣ, привлекли къ себѣ великую часть богатствъ всеобщей Республики, и чрезъ то самое могли бы присвоить себѣ великую же часть и могущества; еслибы Англія и Голландія, посредствомъ торговли, бывшей до того времени не извѣстною, не пріобрѣли себѣ большей еще части богатствъ въ новомъ свѣтѣ, и посредствомъ сихъ, не поддерживали съ того же времени и равновѣсіе.

Однако и сіе самое не есть дѣло премудрой системы. Политика совсѣмъ не управляла первыми причинами новаго сего перевѣса:

Всему свѣту извѣстно, что обрѣтеніе рудниковъ Потозскихъ и Бразильскихъ есть дѣло слѣпаго случая.

И нетолько, что щастіе одно рѣшило открытіе сіе; но и подало еще средства, (*) которыя съ того времени служили симъ народамъ къ пріобрѣтенію богатствъ отъ сихъ рудниковъ.

А хотя равновѣсіе и есть нѣкоторымъ образомъ непремѣнно, однако неменѣе справедливо и то, что оно безпрестанно колеблетъ могущество каждаго государства, и что вдругъ раззоряетъ народы, поелику они часто употребляютъ его средствомъ ко удовлетворенію того желанія

(*) Торговля Агличанъ и Голландцовъ заморская, не имѣла сперва никакого твердаго основанія: одно слѣпое щастіе въ томъ имъ споспѣшествовало, и чтобы увѣриться въ вышесказанномъ мною, то нужно только посмотрѣть на начало сей самой торговли. Довольно мнѣ извѣстно, что приписываютъ симъ двумъ народамъ то, яко-бы они имѣли въ семъ случаѣ намѣренія самыя твердыя, и полагаютъ, что Политика возвысила могущество оныхъ; однако общая исторія о ихъ торговли существуетъ отрывками въ Европейской: надобно только ее прочесть. И ежели сравнить обстоятельства, совокупить положенія дѣлъ и сличить ихъ между собою, то ясно можно увидѣть, что одно слѣпое щастіе соорудило зданіе величія ихъ.

ланія, которое они имѣютъ себя возвеличить.

Исторія нашихъ браней за равновѣсіе ни что есть иное, какъ истинное изображеніе тщеславія: оно есть верея, около которой всѣ страсти къ возвеличію вертятся.

Захочетъ ли одинъ Государь отнять у другаго какую нибудь область, которая ему понравилась? то всегда подъ видомъ, чтобъ возстановить равновѣсіе властей, отнимаетъ онъ ее у него.

Похочетъ ли другой самодержецъ присвоить себѣ прибыльную торговлю сосѣда своего, то система равновѣсія довольными снабдить его къ тому средствами: отъ сего-то самого равновѣсія заимствуетъ каждое государство свои причины, для утвержденія своихъ правъ на другомъ: или, лучше сказать, оно есть политическая маска, подъ которою каждое государство играетъ роль свою.

ГЛА-

ГЛАВА V.

Въ которой разсматривается предложеніе сіе: могутъ ли быть справедливыя войны?

Почти утверждать можно, что отъ рѣшенія великаго сего вопроса зависитъ злополучіе или благоденствіе рода человѣческаго.

Дабы оной рѣшить вопросъ, то нужно прибѣгнуть совсѣмъ къ другому средству, нежели къ теперешнимъ системамъ. Нынѣшнихъ временъ Политика подозрительна.

О сей вещи надобно судить по ея началу и первымъ причинамъ.

Заблаговременно прошу, читателя, простить мнѣ, что я приведу здѣсь нѣкоторыхъ церковныхъ и свѣтскихъ писателей: они послужатъ къ истребленію великаго предразсужденія; ибо доколѣ правители обществъ возмогутъ причинять ужасныя бѣдствія, безъ всякаго совѣсти угрызенія, по толь никогда не будетъ спокойствія и тишины на землѣ.

Двѣ

Двѣ суть важныя стороны, старающїяся утверждать или опровергать справедливость браней: одна изъ нихъ есть философовъ, а другая святыхъ писателей; первые защищаютъ справедливость браней правомъ естественнымъ, а другїе правомъ божескимъ; но одни и другїе не согласны въ своихъ мнѣнїяхъ.

Ксенофонтъ (*) примѣчаетъ, *что всѣ роды животныхъ знаютъ какой нибудь способъ обороняться, и чему сама природа ихъ научала.*

Также находится нѣчто сему подобное въ отрывкахъ древняго стихотворца Латинского, *что всѣ животныя естественно познаютъ своего непрїятеля, равно какъ и тѣ способы, кои имъ нужны для ихъ обороны; они чувствуютъ силу и качество того оружїя, которымъ снабжены.*

Зубы, говоритъ Горацїй, *служатъ волку вмѣсто оружїя, а рога быку: и такъ отъ чего же сїе произходитъ, ежели не отъ внутренняго побужденїя.*

Всякое

(*) О Кировомъ узаконенїи. кн. II. гл. 3.

Всякое животное, говоритъ Лукреціи, *имѣетъ какое то мнѣ непонятное предчувствованіе своихъ силъ и прежде уже, нежели можетъ ихъ употреблять въ дѣйство; теленокъ*, прибавляетъ онъ къ тому, *чувствуетъ, что онъ имѣетъ рога, прежде, нежели окажутся они на его лбу: и онъ грозитъ и бьетъ головою, ежели его разсердишъ.*

Галіенъ говоритъ: *мы видимъ, что каждое животное, для защищенія своего тѣла, употребляетъ тотъ изъ своихъ членовъ, которымъ онъ наисильнѣе дѣйствовать можетъ.*

Жеребенокъ брыкаетъ прежде, нежели имѣетъ твердыя копыта: щенокъ гризетъ прежде, нежели имѣетъ крѣпкіе зубы.

Для доказательства, что война на естественномъ основана правѣ, приводятъ также и Цицерона, которой пишетъ (*), *что два только есть средства для рѣшенія споровъ между людьми: первое чинится миролюбивымъ изслѣдованіемъ причинъ, коихъ каждая сторона думаетъ имѣть: а другое силою. Одно болѣе свойственно человѣку, а другое прилично только звѣрямъ; а по сему и не должно себя*

(*) О должностяхъ, кн. I. гл. 10.

до сего послѣдняго доводить, кромѣ когда уже нѣтъ возможности употреблять на то первое.

Онъ же говоритъ въ другомъ мѣстѣ: *но что можно противоположить силѣ? какъ не силуже.*

По законотолкователямъ, Улпїану и Кассїану, *позволено отражать силу силою:* и они говорятъ, *что это есть такое право, которое произтекаетъ изъ самого естества.*

Также еще пишетъ и Цицеронъ (*): *еслибы каждой членъ нашего тѣла одаренъ былъ способностїю разсуждать, и вообразилъ бы себѣ то, что, для содержанїя себя въ хорошемъ состоянїи, нужно ему притягивать къ себѣ соки отъ ближняго члена; то бы все тѣло ослабло, и непремѣнно бы разрушилось.*

Равнымъ образомъ, если бы каждой человѣкъ старался завладѣть тѣми вещами, кои другимъ полезны, и отнималъ бы у нихъ все то, для своихъ выгодъ, чтобы только возмогъ, то ни коимъ бы образомъ не могло сохранено быть общество человѣческое.

Но позволяется всякому, стараться приобрѣтать лучше самимъ собою, нежели чрезъ другихъ, то, что служитъ къ житейскимъ нуждамъ, чему и при-

---

(*) О должностяхъ, кн. III. гл. 5.

природа не противоборствуетъ; однако она не терпитъ, чтобы довольствовались и обогащались вещами, похищая ихъ у другаго человѣка.

Гроцій, у котораго занялъ я всѣ сіи примѣры, ни мало не сомнѣвается въ томъ; *чтобы всѣ войны не были позволительны по естественному праву, утверждаясь въ томъ и на самой священной исторіи.*

Онъ приводитъ въ примѣръ *Авраама, которой, когда съ помощію своихъ племянъ и союзниковъ побѣдилъ четырехъ Царей, опустошившихъ городъ Содомъ, былъ ободренъ въ семъ дѣлѣ Богомъ чрезъ Мельхиседека, первосвященника его; ибо,* говоритъ онъ далѣе, *вотъ какъ Мелхиседекъ поздравлялъ сего Патріарха: благословенъ Господь Всевышній, предавшій враговъ твоихъ въ руки твои: и такъ Авраамъ,* присовокупляетъ къ тому Гроцій, какъ то видѣть можно изъ послѣдствія исторіи, *принялся за оружіе безъ всякаго повелѣнія Божіяго; а по сему сія особа благочестивая и премудрая поступила въ семъ случаѣ, и по мнѣнію самихъ язычниковъ, единственно по праву естественному.*

Я никакъ не намѣренъ ссылаться (продолжаетъ самой же сей писатель, кото-

рому заблагоразсудилось отличить войны Божескія отъ тѣхъ, кои основываются на правѣ естественномъ) *на пораженіе семи племянъ, преданныхъ Богомъ въ руки Израильтянъ для истребленія; ибо сіе учинено по нарочитому повелѣнію Создателя, благоизволившаго употребить Израильтянъ орудіемъ, для произведенія въ дѣйство правосудія своего надъ народами осквернившимися наивеличайшими пороками. А потому войны сіи и названы, здѣсь на землѣ по писанію святому, войнами Божіими, по той причинѣ, что они предпринимались по его повелѣнію, а не по человѣческому совѣщанію.*

Я опять обращаюсь къ Цицерону. *Се есть,* говоритъ онъ, *законъ никакъ неписанный, но съ нами рожденный: законъ, которому мы не учились, ни отъ другихъ его переняли, ниже гдѣ нибудь его начитывали, но которой мы почерпнули изъ самого естества: законъ, по которому мы не сотворены, но для котораго мы созданы: въ которомъ мы не воспитаны, но которой въ насъ впечатлѣнъ: и по которому закону, когда посягаютъ на нашу жизнь или коварно или насильно, когда подвержены бываемъ наглостямъ разбойника или непріятеля, тогда всякое средство, употребляемое для спасенія своего,*

своего, хорошо и справедливо. Разумъ наставляетъ въ томъ просвѣщенныхъ людей, нужда невѣжъ и варваровъ, обычаи народовъ, естество самихъ животныхъ, какимъ образомъ производить въ дѣйство всякой родъ средства для защищенія своего отъ наглостей, угрожающихъ тѣлу, головѣ, жизни и проч.

Законотолкователь Каюсъ полагаетъ за непоколебимое правило сïе: *что природной разумъ позволяетъ всякому защищаться, когда онъ имѣетъ причину опасаться съ другой стороны.*

И Флорентинъ говоритъ: *что все то, что ни учинено для защищенïя тѣла своего, должно почитаться за такое дѣло, которое по законамъ учинено.*

Іосифъ, писавшïй о Евреяхъ исторïю, также говоритъ: *что всѣ люди, по естественному закону, коего впечатлѣнïя всякъ чувствуетъ, желаютъ жить; а потому всякъ тотъ почитается за непрïятеля, кто посягаетъ на нашу жизнь.*

Что касается до святыхъ писателей; оправдывающихъ войны правомъ Божескимъ, то изъ оныхъ Св. Павелъ, въ первомъ своемъ посланïи къ Тимоѳею, говоритъ: *пре-*

жде всего увѣщеваю васъ, да творите моленія, молитвы, помилованія, и да ходатайствуйте за всѣхъ людей; за всѣхъ Царей и за всѣхъ тѣхъ, кои почтены достоинствами и отличностями, дабы мы вели жизнь миролюбивую и спокойную, во всякомъ благочестіи и братолюбіи; ибо сіе есть пріятно и благоугодно Богу, Господу нашему, хотящему всѣмъ человѣкамъ спасенія, и дабы они уразумѣли истинну.

Сей-же самый Апостолъ изъясняется въ другомъ мѣстѣ такимъ образомъ: *не можно содержать народа въ покоѣ, безъ помощи оружія; ни содержать войскъ, безъ произвожденія имъ платы; ни производить имъ плату, безъ взиманія податей.*

Гроцій примѣчаетъ, что въ пятой Моисеевой Книгѣ находятся *общіе и непремѣнные законы, которые самъ Богъ предписалъ, какимъ образомъ вести войну; и чрезъ которые даетъ онъ разумѣть,* продолжаетъ Гроцій, *что война можетъ быть справедлива, хотя оная предпринята и не по нарочитому его повелѣнію; ибо въ семъ мѣстѣ весьма ясно отдѣляетъ Богъ право, которое онъ далъ противъ семи племянъ проклятыхъ, отъ того, какое Израильтяне могли имѣть противъ другихъ народовъ.*

Что

Что касается до опроверженія мнѣній философовъ, то просто я скажу, что у большой части древнихъ и новыхъ писателей пристрастіе почти общее есть сіе, чтобъ полагать основаніе политической системѣ человѣковъ на естественной существенности животныхъ, то есть, производить зависимость одной вещи, имѣющій путеводителемъ себѣ разумъ, отъ другой такой, которая управляется врожденнымъ побужденіемъ.

Съ самаго уже начала ложно то, чтобы животные по естественному своему состоянію должны непремѣнно вести между собою войну (*).

Правда, что, по естественному состоянію, одинъ родъ звѣрей можетъ вести войну съ другимъ родомъ звѣрей (**); но

(*) Дабы въ семъ удостовѣриться, нужно только разсмотрѣть различную ихъ стройность, отмѣнное ихъ образованіе и на конецъ ихъ породу, которая совсѣмъ противна одна другой.

(**) Въ разныхъ сочиненіяхъ находятся исторіи о войнахъ звѣрей, о ихъ отвращеніи, ненависти, о ихъ антипатіи, какую они оказываютъ одни противу другихъ, и о хитростяхъ или насиліи, кои употребляютъ они для одержанія побѣды на сраженіяхъ своихъ.

но ежели о семъ сказать вообще, то никогда не имѣетъ войны одинъ родъ животныхъ со звѣрями одного и того самого рода; а ежели сїе иногда и бываетъ, то это только случайно , или посредствомъ особливой какой нибудь страсти : ибо и звѣри имѣютъ страсти, имъ свойственныя.

Въ сїе-то никогда не вникали при сличенїи, о которомъ теперь рѣчь идетъ; на примѣръ, никогда не видно было, чтобы стадо львовъ сражалось или билось съ другимъ стадомъ львовъ; но безпрестанно видимъ, что Армїи людей сражаются противъ Армїи таковыхъ же людей.

Ясное доказательство, что сїи не законно поступаютъ, на противъ того первые никоимъ негрѣшатъ образомъ.

Гроцїй еще говоритъ , что мы раждаемся въ свѣтъ съ естественными оружїями, и что видимъ дѣтей, защищающихся своими руками, чему ихъ никто не училъ; а изъ сего онъ и выводитъ послѣдствїе сїе: что естественное состоянїе людей состоитъ въ веденїи браней.

Но никогда того не хотятъ примѣтить, что судятъ о вещахъ не по истин-

ному ихъ началу. Сила, которую намъ природа дала для воспрепятствія, чтобы другіе не дѣлали намъ зла, совсѣмъ отлична отъ той, которою мы вредъ ближнему наносимъ. Одна только способность защищаться, ввела беззаконіе нападенія: первое никогда не можетъ почитаться за преступленіе, но другое всегда за злодѣяніе пріемлется.

А хотя люди и раждаются въ свѣтъ съ руками, кои суть естественныя ихъ оружія; однако не должно того полагать, что естественное ихъ состояніе есть неразрывная цѣпь браней. Если бы позволено было человѣкамъ употреблять по произволу свои силы, какіе они получили отъ природы, то бы земля ужаснымъ учинилась жилищемъ. И что война есть дѣло беззаконное, которое люди сами себѣ навлекли, служитъ доказательствомъ и то, что, ежели бы добродѣтель и справедливость между ими царствовали, они бы никогда не вели между собою браней. Всякой день можно видѣть сему доказательства въ частныхъ обществахъ, въ коихъ примѣчается тѣмъ менѣе несогласія, чемъ

болѣе дружба и любовь въ оныхъ соблюдаемы бываютъ.

И такъ, поелику всеобщая причина браней обыкновенно есть дѣйствіе беззаконія, то они всѣ вообще и не могутъ быть справедливы.

Святыя писатели, которыя противнаго мнѣнія въ разсужденіи справедливости браней, тотчасъ приводятъ въ примѣръ Пророка Исаїю, которой предвѣщалъ, *что народы перемѣнятъ нѣкогда мечи свои въ серпы, а копья въ посохи; что никогда не будутъ сражаться одни противъ другихъ, и никогда уже не станутъ болѣе учиться военному искуству.*

Также ссылаются на одно мѣсто и въ Евангеліи, гдѣ сказано: *любите враги ваши, благословите кленущїя васъ, молитеся за обидящихъ и гонящихъ васъ.*

Не дѣлай никому зла за зло, говоритъ Святый Павелъ, *старайся всегда поступать благочестиво предъ людьми: буде можно, живи въ мирѣ со всѣми, елико только отъ тебя сїе зависитъ: не отомщевай никогда самъ собою; писано бо есть: отмщевати мнѣ самому принадлежитъ.*

Ежели врагъ твой алчетъ, говоритъ Господь, *насыти его: буде жаждетъ, напой его: не допускай себя побѣждать зломъ, но превозмогай зло добромъ.*

Въ одномъ изъ посланій къ Коринѳянамъ читается: *хотя мы и странствуемъ во плоти, но брань ведемъ не по плоти; ибо оружія воинства нашего не плотскія, но сильныя добродѣтелію Божіею, для разрушенія крѣпостей.*

Святый Іяковъ изъясняется такимъ образомъ: *отъ куда произходятъ между вами брани и смятенія? Не отъ вашихъ ли похотей, буйствующихъ во удахъ вашихъ? Вы страстно желаете того, чего получить не можете: вы завистливы и ревнивы, однако не приобрѣтаете никогда того, чего ищете; вы сражаетесь и ведете брани; но вы не находите причины раздорамъ вашимъ, поелику вы никогда объ оной не спрашиваете: вы спрашиваете, и не получаете отвѣта, поелику спрашиваете неправедно, и во угожденіе похотямъ вашимъ.*

Для убѣжденія себя въ томъ, что большая часть браней нашихъ вообще неправедны, должно только разсмотрѣть существенность оныхъ.

Вой-

Война, не взирая на множество толкованій (*), какія ей даютъ, есть ни что другое, какъ средство, употребляемое обществами для усугубленія или приданія большей важности правамъ и преимуществамъ своимъ.

Но, ежели одно общество имѣетъ право съ своей стороны, то и всѣ другія должны имѣть права съ ихъ же стороны; а по сему неправедность войны и должна раждаться сама собою, поелику, въ слѣдствіе воинской системы, могущество одного народа не иначе основывается, какъ на развалинахъ другого.

Дабы войны почитаться могли за праведныя, какъ-то нѣкоторые писатели стараются утвердить, то должно, чтобы въ мирное время каждое правительство политическое въ томъ самомъ находилось положеніи, въ какомъ оно и прежде было: то есть, что бы разрушился самой тотъ предмѣтъ, ради котораго обыкновенно произ-

(*) Цицеронъ даетъ изъясненіе о войнѣ такимъ образомъ: *война*, говоритъ онъ, *есть способъ рѣшить споры посредствомъ оружія.*

производится война. Но главное дѣло несправедливости состоитъ въ истребленіи рода человѣческого. И какую бы Политика ни представляла во оправданіе причину, что войны необходимо нужны, однако она не можетъ излѣчить той великой раны, какую войны сіи причиняютъ роду человѣческоку.

Пусть общества политическія находиться будутъ въ какомъ нибудь видѣ и порядкѣ, въ томъ нѣтъ никакой разности; но истреблять родъ человѣческій, беззаконно и грѣшно.

Пусть только въ сіе вникнутъ, то не премѣнно усмотрятъ, что беззаконіе сіе произходитъ отъ самопроизвольнаго Государей объявленія войны. Нѣтъ ни одного монарха, которой бы, принимаясь за оружіе, не вопіялъ въ своемъ манифестѣ противъ несправедливости предпріемлемой противу него войны.

И такъ, поелику, въ разсужденіи вышесказанного, жалобы чинятся всѣми вообще, то всѣ и признаютъ, яко по общему и единодушному согласію, что войны неправедны.

Пола-

Полагаютъ, что люди не могутъ пробыть безъ обществъ, и что войны поддерживаютъ сіи общества; но начало сіе столь мало имѣетъ въ себѣ твердости и основанія, сколько и послѣдствіе оного.

Всѣмъ извѣстно, что древнія Патріархи жили въ шалашахъ, и странствовали по свѣту, не составляя никакого общества, ниже завися отъ какого либо правительства политическаго, хотя въ то время и существовали другія гражданскія общества, учрежденныя въ свѣтѣ.

Но оставимъ и Патріарховъ, только дѣйствительно много находится миліоновъ людей на землѣ, кои не состоятъ подъ вѣдомствомъ какого нибудь особеннаго государства (*); и Бель доказываетъ (**), что въ Аравіи и Африкѣ имѣются цѣлые народы дикіе, не имѣющіе ни законовъ, ни судей, ниже образа правленія.

Что

(*) Праздношатающіеся Цыгане и прочіе бродяги.

(**) Смотри продолженіе разныхъ разсужденій госп. Беля, стат. CXVII.

Что касается до системы, по которой войны поддерживать должны общества, можно весьма легко доказать тому противное, то есть, что они ихъ разрушаютъ. Доказательство сіе основано на самомъ опытѣ, то есть, на истребленіи ихъ членовъ.

Если разсмотрѣть системы тѣхъ, кои стараются защищать положеніе сіе: войны суть праведны; то ясно видѣть можно, что всѣ ихъ умствованія единственно только доказываютъ справедливость естественной обороны; а сіе одно никакъ еще не утверждаетъ того, что бы и нападеніе могло быть справедливо.

Со всѣмъ не нуженъ вопросъ сей: должно ли государство чинить отпоръ или оборону въ такомъ случаѣ, когда бы оно испровержено было, если бы не защищалось? Политическія и гражданскія законы всѣхъ народовъ позволяютъ то дѣлать: но спрашивается только, смѣетъ-ли оно чинить нападеніе?

И такъ, я говорю, что со всѣмъ нѣтъ случая такого, что бы нападеніе воспос-

лѣдовать могло, безъ нѣкотораго рода несправедливости.

Ежели предположить, что ни одно государство не имѣетъ права чинить нападенiе на другое общество, то и слѣдуетъ изъ сего, что никакъ не могутъ быть войны вообще праведны, поелику всегда притомъ есть одинъ тотъ, которой, чиня произвольно нападенiе, войну начинаетъ. Да и должно принять какое нибудь правило или начало въ разсужденiи системы о войнахъ, безъ котораго вѣчно умствовать будемъ о сей матерiи, никогда неразумѣя другъ друга. Власть могущая вести войну или совсѣмъ не признаетъ законовъ справедливости, или она ихъ признаетъ: буде она сiи законы признаетъ, то должны они быть тверды и непоколебимы, равно какъ и всѣ законы общественные.

Положимъ, что Европа вообще находится теперь въ мирномъ состоянiи, то весьма явственно, что она не могла бы достигнуть до сей тишины и спокойствiя, какъ только посредствомъ договоровъ или по общему согласiю всѣхъ Государей, кои заблаго-

заблагоразсудили, для взаимныхъ своихъ пользъ, пресѣчь войны: или посредствомъ превосходнѣйшей силы нѣкоторыхъ державъ, которые, принудивъ другихъ оставить оружіе, принудили ихъ быть и спокойными: или наконецъ, посредствомъ жребія самой войны, которая, разными своими перемѣнами произведя нѣкоторое равновѣсіе между политическими властями, возстановила миръ.

Каждое изъ сихъ различныхъ средствъ, стремившихся къ воздѣйствію общей тишины, образуетъ, если бы они были установлены, публичное Народное Право, которого ни одинъ властелинъ не можетъ нарушить войною, подъ какимъ бы то видимъ ни было, не учинивъ притомъ несправедливости.

Съ самого установленія первыхъ обществъ можетъ быть и существовало право вести войну, которое однако теперв никоимъ образомъ не совмѣстно между народами; ибо какъ земля начинала тогда только еще населяться, и никакихъ не имѣла еще точныхъ владѣтелей, то одни племяна и могли спорить съ другими о

хорошей землѣ, могущей легко доставлять имъ изобильное продовольствїе: и какъ всѣ общества пользовались тогда землями ненадежнымъ образомъ, то всякой народъ и имѣлъ отчасти право нападать на другаго; а несправедливость войны состояла только въ способѣ и образѣ, каковыми производима она была.

Но теперь, когда земля содѣлалась, такъ сказать, отцовскимъ наслѣдствомъ дѣйствительнымъ и точнымъ, и когда она раздѣлена между властями, которыя всѣ имѣютъ на то свои права, всѣми и каждою принятыя и признанныя, когда государства имѣютъ личныя собственности, когда имѣнїе и богатство однихъ не могутъ купно быть ни богатствомъ ни имѣнїемъ другихъ: то все воспрїяло другой видъ въ Политическомъ свѣтѣ.

Пусть никто не дерзаетъ говорить, яко бы государства въ безпрестанномъ находятся, такъ сказать, несовершеннолѣтствѣ, и якобы они имѣютъ право отказываться въ одно время отъ тѣхъ трактатовъ мирныхъ, которые принуждены они были заключить въ другое. Вотъ источ-

точникѣ всѣхѣ золѣ и бѣдствій , подвергающихѣ землю огню и мечу , и содѣлывающихѣ сущую несправедливость войны , и проч.

ГЛАВА VI.

О пользахъ Государей.

Во всякомѣ Европейскомѣ государствѣ находятся цѣлыя библіотеки книгѣ, толкующихѣ о пользахѣ государей. Всѣ Политики, какѣ древніе такѣ и новые, писали о сей матеріи; но часть сія и по сіе время темна и запутана: причина же тому есть та, что убытки обыкновенно принимаются за существенныя пользы.

Весьма важного недостаетѣ установленія вѣ нашемѣ свѣтѣ Политическомѣ, я хочу сказать, общаго Конгресса, на которомѣ бы вмѣсто производимыхѣ споровѣ (какѣ то дѣлается на всѣхѣ прочихѣ) о пользахѣ государей , старались бы лучше ихѣ узнать.

Пока не истолкуютѣ точно того , что подѣ симѣ словомѣ должно разу-

мѣть (*), потоль все въ Европѣ вообще будетъ въ замѣшательствѣ.

Я никакъ не говорю здѣсь о пустыхъ дѣлахъ. Пусть только вникнутъ со вниманiемъ въ намѣренiя большой части самодержавцевъ; то увидятъ, что всякой имѣетъ въ предмѣтѣ то, чтобы приводить въ слабость сосѣднее государство, на которомъ намѣревается возвысить могущество свое: и какъ многiе изъ нихъ имѣютъ почти тоже самое намѣренiе, то можно сказать, что они наносятъ вредъ взаимообразно, дабы себя возвеличить.

Не мало удивительно, что изъ толь великихъ мужей, бывшихъ въ разныхъ государствахъ, составляющихъ всеобщую Рес-

(*) Весьма важное политическое сочиненiе было бы то, которое бы заключало въ себѣ всѣ намѣренiя и всѣ проекты о возвеличiи государей до Эпохи Утрехтского мира: изъ оного усмотрѣли бы они, что большая часть государствъ должны за свое возвышенiе совсѣмъ другой причинѣ, нежели проискамъ, которые для возвеличiя своего они дѣлали; и что, ежели бы тѣ, которыхъ они выдумывали, удачны были, то бы политическiя ихъ пользы разрушились.

Республику, ни одинъ не примѣтилъ по сіе время, что успѣхъ частныхъ пользъ государей зависѣлъ отъ общихъ пользъ Европы.

ГЛАВА VII.

Войны, обезсиливая Европу, уменьшаютъ и каждаго государства могущество.

Оставимъ на время Европу, а представимъ себѣ не большую землю, длиною въ пять сотъ миль, а шириною въ двѣстѣ.

Положимъ, что сей новой свѣтъ содержитъ въ себѣ двадцать миліоновъ жителей: что общее его хлѣбопашество, купно съ числомъ людей, составляетъ общее богатство въ произведеніяхъ естественныхъ на четыре тысячи миліоновъ: что его торговля съ иностранцами ежегодно приноситъ ему прибыли болѣе или менѣе ста миліоновъ.

Положимъ же еще теперь, что новая сія Европа управляется шестьми государями,

рями, изъ коихъ каждой имѣетъ равную часть земли, равное число народа и равное количество богатствъ какъ тѣхъ, кои получаются отъ произведенiй естественныхъ, такъ и тѣхъ, кои прiобрѣтаемы бываютъ посредствомъ искуствъ: и что политическая власть каждого изъ оныхъ совсѣмъ ни отъ кого не зависима.

Ежели воспослѣдуетъ несогласiе между сими малыми самодержавцами, и ежели между ими произойдутъ споры, въ разсужденiи расширенiя ихъ границъ, или по другой какой нибудь причинѣ; ежели всѣ государи, опасаясь, чтобы власть ихъ не была уменьшена, вдругъ примутся за оружiе, и всѣ начнутъ вести между собою войну, то извѣстно, что, ежели сiи общiя ихъ брани продолжатся сто лѣтъ, число народа сей земли убавится по крайней мѣрѣ (*) до седмой части, а особливо, если

(*) А можетъ быть еще и болѣе, ежели разсудить о числѣ браковъ, коимъ препятствовать будетъ продолженiе браней чрезъ сто лѣтъ. Наши войска, какъ то всѣмъ извѣстно, составляютъ классъ людей, которой почти совсѣмъ не можетъ вступать въ сiе состоянiе.

если войны сихъ народовъ будутъ столь смертоубійственны, какъ наши; и слѣдовательно общее хлѣбопашество, рукодѣліе и торговля, коихъ успѣхи всегда зависятъ отъ числа людей, также уменьшатся въ равной мѣрѣ; то есть, что сія Европа будетъ имѣть менѣе могущества седмою частію (*).

И такъ, ежели несогласіе между сими отдѣленными государствами почти тоже самое останется по истеченіи ста лѣтъ прошедщихъ въ войнѣ, то необходимо

Всякъ знаетъ и то, что преждевременныя и неизбѣжныя смерти многихъ молодыхъ людей, погибающихъ отъ болѣзней и трудовъ, суть также явныя причины тому, что не оставляютъ по себѣ потомковъ: наконецъ, и сраженія столь же вредны, въ разсужденіи размноженія народа, какъ для государства одержавшаго побѣду, такъ и для того, которое было поражено.

(*) Вычисленіе сіе не есть чрезвычайное: и ежели бы оное можно было точнѣе опредѣлить, то-бы увидѣли, что чрезъ опустошенія, причиняемыя войнами въ теченіе цѣлого вѣка, уменьшится могущество, въ пространствѣ вышеописанной земли, болѣе еще седмой части.

слѣдуетъ изъ того, что каждое государство особенно потеряетъ седмую часть могущества своего.

Со сто шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, какъ въ теченіе сего времяни было сокоръ браней (*) въ Европѣ общихъ, не считая безконечнаго числа частныхъ.

Можно полагать, что въ общихъ сихъ войнахъ погибло болѣе дватцати миліоновъ человѣкъ въ самихъ цвѣтущихъ ихъ лѣтахъ, кои никакого не оставили на землѣ по себѣ потомства: равнымъ образомъ, что ежели бы человѣкъ по системѣ о всеобщемъ разумноженіи рода человѣческаго, при концѣ вѣка произвелъ на свѣтъ другаго, то можно сказать, что теперь не достаетъ дватцати миліоновъ жителей во всеобщей Республикѣ Европейской, которые бы въ ней безъ сихъ браней оставались.

Однако часть сія свѣта дѣйствительно теперь слабѣе, нежели она была за полтора вѣка; и слѣдовательно, всѣ государства

(*) Это примѣчаніе есть Волтерово, которое подтверждено въ полномъ собраніи всеобщей Исторіи, и которое по сему не можетъ быть подвержено ни какому сомнѣнію.

ства особенно, кои суть ея члены, не столько теперь могущественны.

Но скажутъ, что каждого государства могущество есть относительное: да и нѣтъ другаго свѣта на землѣ такого, съ коимъ бы можно было сравнить Европу, а по сему все равно, простирается ли общее ея число жителей до двухъ сотъ миліоновъ, или до пятидесяти.

Однако, ежели теперь не имѣетъ Европа мѣры могуществу своему, то когда нибудь можетъ то имѣть.

Прекрасная сія часть свѣта, приводя себя безпрестанно въ слабость, какъ то она дѣлаетъ войнами, можетъ учиниться наконецъ добычею варваровъ.

Пусть великая для нее выгода будетъ та, что прочія три части страждутъ подъ игомъ страшнаго самовластія, что рабство оковало цѣпями народы Азіи и Африки, что ихъ добродѣтели, и (что наиболѣе для Европы выгодно) ихъ пороки пребываютъ безъ всякой силы и дѣятельности.

Но какую бы удобность и легкость имѣли теперь, на прим: Митридатъ Тамерланъ, чинить завоеванія въ нашихъ

странахъ? гдѣ нѣтъ ничего другаго, кромѣ худой нашей Политики, и которая одна довлѣла-бы открыть имъ къ тому дорогу.

А хотя теперь Европа и никакого не имѣетъ отношенія къ прочимъ тремъ частямъ свѣта, однако не можетъ само по себѣ быть все равно сіе: имѣетъ ли она большее или меньшее число народа. Сила Европы, яко независимая отъ связи, коковую она можетъ имѣть съ прочимъ свѣтомъ, имѣетъ свое средоточіе: и такъ ежели начнутъ приводить ее въ слабость съ сего мѣста, уменьшая число ея жителей, то непремѣнно уменьшатъ и ея могущество. Ежели разсудить о Европѣ, яко о тѣлѣ политическомъ и гражданскомъ, коего частныя государства суть члены, то чемъ менѣе тѣло сіе имѣть будетъ силы въ себѣ самомъ, тѣмъ болѣе члены ея станутъ приходить въ слабость.

Приведемъ въ примѣръ Францію: если бы она имѣла три миліона жителей болѣе, то бы могущество ея гораздо было превосходнѣе, нежели какъ оное есть теперь. А хотя сіе приращеніе и было бы для нее

равнодушно, въ рузсужденіи другихъ государствъ, съ коими она никакой не имѣетъ связи; однако сіе не можетъ быть все равно въ разсужденіи ея самой.

Таковое приумноженіе народа усугубило бы сей монархіи внутреннюю силу, крѣпость и могущество, коихъ теперь никакъ нѣтъ въ семъ государствѣ.

Ежели разсудить , подъ какимъ бы то видомъ ни было, о политическомъ тѣлѣ, то весьма явственно, что для него гораздо прибылнѣе имѣть болѣе, нежели менѣе жителей.

Дватцатъ миліоновъ жителей могутъ содѣлать государство богатѣе и могущественнѣе того, которое имѣетъ только пятнатцатъ.

Люди сами по себѣ имѣютъ уже цѣну: а цѣна сія всегда имѣетъ отношеніе къ какой нибудь вещи.

Китай со всѣмъ никакого не имѣетъ дѣла съ Европою; но понятіе, какое мы имѣемъ о его могуществѣ, зависитъ отъ многочисленнаго его народа. А если бы Китай менѣе былъ населенъ, то по нашему

шему мнѣнію и почитался бы онъ за государство не столь могущественное.

Еслибы Европа (разсуждая о ней яко объ относительной части) имѣла двадцать миліоновъ жителей болѣе, то-бы заключала въ себѣ и болѣе степеней могущества, какого она теперь не имѣетъ.

Но оставимъ и систему объ относительной силѣ на сторону, то все не позволяется Политикѣ, ни какой не дѣлать перемѣны въ зрѣлищѣ природы: и великій Зодчій Вселенныя сея нѣкогда потребуетъ отвѣтъ отъ монарховъ за все, такъ сказать, оттѣнія, которыя стерли они съ великой картины сея земли.

Причиненное толикими войнами Европѣ опустошеніе въ народѣ не могло не навлекти въ равной мѣрѣ и того пагубнаго слѣдствія, которое принуждаетъ оставлять земли сей части свѣта невспаханными, то есть, которое уменьшаетъ количество богатствъ, произходящихъ отъ естественныхъ произведеній. Великое множество людей, коихъ лишили Европу безпрерывныя войны, и которые не оставили

по

по себѣ потомства, причинили несказанную убыль во всеобщемъ хлѣбопашествѣ.

Неизмѣримая часть сея страны лежитъ невспахана и необработана; и слѣдовательно не можетъ усугубить могущество частныхъ государствъ, спорящихъ между собою о разныхъ частицахъ сихъ въ запустѣніи лежащихъ земель.

Европа, (разсуждая о ней яко о цѣломъ тѣлѣ политическомъ) никакъ не производитъ и седмой части тѣхъ богатствъ (*), которыя по ея положенію и ея

(*) Весьма бы достойной былъ опытъ великихъ Политиковъ, если бы они уравнили общія Европы произведенія естественныя съ пространствомъ матерой ея земли, и чрезъ то бы назначили число жителей, какое потребно на обработываніе онаго пространства земли къ величайшей всея Европы пользѣ.

Открытіе сіе однажды учиненное послужило бы Компасомъ, могущимъ показывать всѣмъ государямъ выгоды и невыгоды въ ихъ войнахъ; они бы по оному усмотрѣли и тѣ убытки, коихъ имъ наносятъ и самыя ихъ побѣды.

Но кажется, что и свѣтъ кончится, безъ произведенія въ дѣйство таковаго уравненія: да можетъ быть оно еще есть и не возможное въ практикѣ дѣло; ибо по сему всякой

ея Климату могли бы быть пріобрѣтены, если бы безпрестанныя войны, коими она была обуреваема, не лишили ея того великаго числа рукъ, коихъ теперь ей недостаетъ: да она не можетъ почти прокормить и своихъ жителей. Всѣмъ извѣстно, что нѣкоторая часть изъ питательныхъ средствъ привозится изъ Африки; большая часть изъ вещей, служащихъ теперь для нуждъ и удовольствій житейскихъ, также доставляются въ Европу изъ другихъ странъ свѣта.

Европейцы странствуютъ въ новые свѣты для исканія золота и серебра, которой металъ, безъ сомнѣнія нашли бы и у себя, если бы число жителей достаточно было какъ для обработыванія земель, такъ и

владѣтель Европейской долженъ бы былъ дать такую часть изъ своего государства, которая обработана, за другую такую, которая лежитъ въ запустѣніи; тоже самое нужно будетъ учинить и въ разсужденіи обмѣны народа: но это такія вещи, кои по теперешнему положенію всеобщей Европейской системы противорѣчатъ Политикѣ.

и для прїисканїя сихъ металовъ (*), равномѣрно и для выдѣлки оныхъ по обрѣтенїи. Ежели согласны будутъ въ томъ, что общее могущество Европы уменьшилось, то я и не ищу уже болѣе ничего; а изъ сего слѣдуетъ, что непремѣнно пришло въ слабость и каждое государство особенно.

ГЛА-

(*) Прїисканїя сїи были бы для насъ великой важности; ибо сверхь того, что оныя доставляли бы намъ сїи металы, образующїе теперь силу и могущество государствъ, подали бы еще и случай Политическому нашему свѣту къ заведенїю великихъ Мануфактуръ, кои споспѣшествовали бы къ размноженїю народа: ибо еслибы золото и серебро находились въ Европѣ, то бы они насъ многократно предостерегали отъ браней; да и всѣ тѣ войны, которыя производятся между Англїею и Францїею, подъ разными предлогами, имѣютъ свое начало отъ того страха, чтобы сей монархїи не быть когда нибудь принужденной дѣлиться съ оною рудниками чужестранныхъ государствъ, коихъ имѣетъ она въ полной власти.

ГЛАВА VIII.

О началѣ нашихъ браней.

Нынѣшняя исторія преисполнена подробными описаніями о сраженіяхъ и осадахъ, и единственно только говоритъ объ однихъ дѣйствіяхъ; но никогда почти не касается до перваго начала браней.

По прочтеніи повѣствованій о Европейскихъ войнахъ, произходившихъ въ теченіе полутора вѣка, можно узнать только то, что великое число народовъ дрались, что они часто чинили схватки, что отъ сего одни народы покорены подъ иго другими, что могущество однихъ возвысилось на развалинахъ могущества другихъ; а болѣе ничего.

Также видѣть можно изъ сихъ сочиненій движенія Армій; но никогда пружинъ, приводящихъ ихъ въ движеніе.

Я нахожу нашимъ войнамъ семь главныхъ причинъ, кои послужатъ предмѣтами слѣдующимъ семи же главамъ.

ГЛАВА IX.

I.) Политическая связь Европы.

Прежде нежели Европа здѣлалась всеобщею Республикою, которой частныя государства начались считаться членами, то народы, не имѣя тогда никакого почти между собою сообщенія, не вели и никакихъ между собою браней.

Но со времяни воспослѣдовавшей въ сей части свѣта политической связи, соединившей всѣ государства въ одно тѣло могущества и силы, и какъ, по оной связѣ, общая сила должна сообщаема быть и самимъ слабымъ государствамъ, то войны какъ бы по необходимости раждаютъ войны; ибо едва успѣютъ укрѣпиться иныя государства, какъ другія приходятъ уже въ слабость; а по сему великія монархіи всегда обязаны имѣть оружіе въ рукахъ для защиты малыхъ: и вотъ, со сто уже лѣтъ тому, какъ образовалась система непрерывныхъ осадъ и сраженій; отъ одной только связи Европейской произходитъ то, что безпрестанно ведудъ въ Европѣ войны

ГЛАВА X.

2.) Возобновленіе рукодѣлій.

Не слѣпой случай одинъ управляетъ свѣтомъ. Всѣ перемѣны, каковыя примѣчаются на землѣ, имѣютъ первыя свои причины. Ежели люди, въ одномъ вѣкѣ, болѣе имѣютъ способностей къ войнѣ и болѣе храбры, нежели въ другомъ, то сїе также зависитъ отъ общей причины, которая содѣлываетъ ихъ таковыми.

Политика никогда того не примѣчаетъ, поелику она часто принимаетъ случайности или качества вещи за самую вещь.

По разрушенїи народовъ, завоевавшихъ свѣтъ съ одной только той славы, дабы его завоевать, война, неимѣя болѣе таковаго благороднаго начала, учинилась торговлею прибытковъ между народами, и слѣдовательно есть ничто другое, какъ ремесло мздоимное.

Какъ съ того времени всегда нужно было государямъ покупать руки, коими они

они чинятъ завоеванія; то вся Политика стала замыкаться въ средствахъ и способахъ, какъ доставать солдатъ.

При возобновленіи рукодѣлій воспослѣдовала перемѣна въ Европѣ: и какъ оныя доставили государствамъ новыя пособія и средства, то возбудили и новыя страсти.

До сей Эпохи, общества пребывали въ извѣстныхъ предѣлахъ, каковые предписывало имъ трудолюбіе и собственная ихъ рачительность въ стяжаніи своихъ польз.

Каждой народъ, не имѣя другаго богатства кромѣ своего, да и не имѣя никакого средства пріобрѣтать оное отъ своихъ сосѣдъ, непоколебимо пребывалъ въ нѣкоторомъ состояніи естественнаго спокойствія и тишины. Каждому государству въ Европѣ было тогда, по видимому, не возможно производить войну.

Но какъ, по установленной системѣ о рукодѣліяхъ, богатства однихъ народовъ совсѣмъ почти перешли въ руки другихъ (*),

(*) Англія, по системѣ своихъ рукодѣлій привлекаетъ къ себѣ всѣ вообще богатства Пор-

а чрезъ то самое и могущество первыхъ нечувствительно перекатилось къ последнимъ; то вскоре несогласія начались, а после того не умедлели и войны оказываться.

Пусть посмотрятъ на начало смятеній, кои тревожили нашъ светъ, со сто летъ; то увидятъ, что число сраженій усугублялось по мере умноженія новыхъ Мануфактуръ.

Можетъ быть скажутъ, что Колбертъ зажегъ Европу своею системою о рукоделіяхъ, а рачительность въ томъ раздувала пламень.

Какъ его дарованія и знанія сообщены были всемъ почти народамъ, то большая часть изъ нихъ, кои прежде ничего не значили, вдругъ все возмогли.

Сей

тугаліи: трудолюбіе и рачительность оной въ томъ стоютъ сей последней всего владенія рудниковъ Бразильскихъ.

Другія государства, таковымъ же самимъ Каналомъ, доставляютъ себе богатства Гишпаніи; а некоторыя успеваютъ въ томъ такъ, что посредствомъ рукоделія и неутомимаго въ томъ трудолюбія почти совсемъ лишаютъ другихъ государствъ богатства и именія ихъ.

Сей министръ, давъ новое направленіе общему количеству богатствъ Европы, испровергнулъ всѣ старыя системы о замиреніи.

Съ сей Эпохи, нѣкоторыя правительства, едва прежде знаемыя, не престаютъ тревожить свѣтъ политической.

Голландія и Англія чрезъ одни рукодѣлія и трудолюбіе свое содѣлались государствами воинствующими.

Безъ сей первой причины возвеличія ихъ, государства сіи ничего бы теперь не значили въ Европѣ.

На всѣхъ нашихъ общихъ конгресахъ (собраніяхъ) обыкновенно спорятъ объ относительномъ величіи Армій каждаго государства: уравниваютъ вѣсы властей числомъ солдатъ; можетъ быть лучше бы здѣлали, если бы ихъ уравнили числомъ рукодѣлій.

Наилучшій трактатъ, какой только нынѣшняя Политика могла бы произвести въ дѣйство, состоялъ бы въ томъ, чтобы главной его предмѣтъ относился не къ числу крѣпостей, но къ числу Мануфактуръ.

Теперь не Арміи производятъ войну, но рукодѣлія, поелику они доставляютъ богатства, кои необходимо нужны для веденія войны.

ГЛАВА XI.

3) Воинская роскошъ народовъ.

„Новая зараза, говоритъ Монтескію, „распространилась въ Европѣ: она овла-„дѣвъ нашими Государями, заставляетъ „ихъ содержать безконечное число войскъ.

„Зараза сія, усугубляясь часъ отъ часу, „необходимо зделалась прилипчивою: ибо „сколь скоро государство одно умножаетъ „то, что оно называетъ войсками, то „вдругъ умножаетъ и другое государство „свои воинскія силы; и такъ ничего дру-„гаго ожидать отъ сего не должно, кромѣ „общей гибели. Каждой монархъ содер-„житъ въ готовности таковыя Арміи, „какія бы нужно было ему имѣть тогда, „когда бы его подданные находились въ опас-„ности, угрожающей ихъ въ прахъ истре-„бить:

„бить: и вотъ, какое состояніе усилія „всѣхъ противу всѣхъ, называютъ миромъ.

Отъ одной связи, существующей со установленія обществъ, миръ столько же сталъ вредоносенъ, сколько и война.

Чрезмѣрныя издержки на содержаніе войскъ, причиняющія не малое затрудненіе въ зборѣ государственныхъ податей, содѣлываютъ войны, нѣкоторымъ образомъ, необходимыми; ибо какъ многочисленныя Арміи всегда въ готовности находятся во всѣхъ государствахъ, то обыкновенно малѣйшей довольно уже причины, чтобъ велѣть выступить имъ въ поле. Безъ нужды заставлять сражаться войскамъ, есть самая та Политика, которой теперь слѣдуетъ большая часть изъ властелиновъ.

Каждое государство ищетъ, какимъ бы образомъ вознаградить, на щетъ другого, безчисленныя свои издержки, употребляемыя на содержаніе войскъ. Однимъ словомъ большая часть правительствъ не для чего иного предпринимаютъ войны, какъ только чтобы избавиться отъ общаго иждивенія, чинимаго въ мирное время: и какъ сіе средство не всегда удачно бываетъ, но на

противъ того не рѣдко еще причиняетъ и новыя убытки, то войны всегда влекутъ за собою войны.

Государи единственно только сражаются для того, что находятся въ немощномъ состоянїи, заставляющемъ ихъ чинить сїи сраженїя.

Большая часть Европейскихъ государствъ находится теперь въ томъ самомъ положенїи, въ каковомъ была Римская Имперїя во время ея паденїя. Она не могла обойтися безъ солдатъ, ниже пробыть съ ними.

ГЛАВА XII.

4.) Обрѣтенїе золотыхъ и серебреныхъ рудниковъ.

Прежде сей Эпохи, Европа наслаждалась естественнымъ состоянїемъ спокойствїя и тишины, поелику золото и серебро, кои были тогда въ маломъ количествѣ, не возбуждали тщеславїя государствъ: а сїе то самое и содѣлывало

умѣ-

умѣренность во всѣхъ воинскихъ предпріятіяхъ.

И какъ въ то время государи ничего другаго не ожидали отъ своихъ завоеваній, кромѣ однихъ завоеванїй : и что по причинѣ естественной скудости народовъ, завоеванія сіи болѣе льстили честолюбію ихъ, нежели чтобы могли возбудить ихъ прихоти, то миръ самъ собою былъ совмѣстенъ.

Всеобщая скудость уничтожала всѣ проекты о возвеличіи. Государства не имѣли, такъ выразить, той нужды, чтобъ другъ друга истреблять. Державы, нѣкоторымъ образомъ, видѣли недостатокъ въ средствахъ, служащихъ ко взаимному убіенію.

Народы, бывъ однажды побѣждены, на всегда оставались таковыми : поелику Америка не вознаграждала, какъ то она теперь дѣлаетъ, ихъ потерей. Война оканчивала тогда войну.

Но какъ сіи металы начали привозить въ Европу въ великомъ изобиліи, то вообраӂеніе воспламенилось ; узрѣли новыя страсти, родившіяся въ сердцахъ государей. Честолюбіе пріобрѣло новыя силы.

Съ того-то времени несогласія Европы не пресѣкаются уже болѣе, поелику средства, служащія къ поддерживанію оныхъ несогласій, также не перестали существовать.

Съ того же самого времени всегда сражались въ нашемъ политическомъ свѣтѣ, для пріобрѣтенія богатствъ. Всѣ древнія связи Политики воспріяли на себя другой видъ.

Не было болѣе нужно имѣть подданныхъ, для усугубленія политическаго могущества; а спрашивалось только, имѣть деньги.

Государи обрѣли въ окованныхъ желѣзомъ своихъ сундукахъ цѣну всѣмъ побѣдамъ. Всякъ изъ нихъ могъ безпокоить Европу, по мѣрѣ пріобрѣтенія новыхъ сокровищъ Американскихъ.

Торгующія государства заставили себя уважать: да и многіе малые владѣльцы умножили могущество и силу свою; поелику они могли, за свои деньги, нанимать много рукъ, и покупать великія союзы.

ГЛАВА XIII.

5.) *Тщеславіе государей.*

Ежели прочитаешь всеобщую исторію о Европейскихъ смятеніяхъ, за сто лѣтъ назадъ, то найдешь, что всѣ почти войны наши произходятъ отъ нѣкоторой невозможности, быть Государямъ довольну своею властію. Большая часть изъ Монарховъ, находясь яко бы стѣсненными въ неизмѣримомъ пространствѣ своихъ областей, кои имъ отъ провидѣнія въ удѣлъ достались, непрестанно помышляютъ о разширеніи своихъ границъ.

Европа есть театръ, на которомъ всякой властелинъ желаетъ великую играть роль: и всѣ, въ тайнѣ, первую играть надѣются.

Желанія никакъ не соразмѣрны средствамъ: тщеславіе вездѣ силится одержать верхъ.

Нѣтъ теперь ни одного малаго владѣльца, которой-бы, въ жизни своей, не образовалъ однажды проекта о завоеваніи какой нибудь части въ Европѣ.

Сн-

Система возвеличія также здѣлалась необходимо-нужнымъ порокомъ. Государи не имѣютъ уже болѣе средствъ, дабы пріобрѣсть добродѣтель умѣренности.

Всеобщее тщеславіе, которое всѣми случаями пользоваться не оставляетъ, отягстило-бы такого самодержавца, которой, будучи доволенъ своею властію, данною ему отъ божества, не предпринималъ бы другихъ мѣръ, какъ только, чтобы оную сохранить и удержать; ибо для сего нужно бы было ему здѣлать планъ замиренія, и по оному слѣдовать; но таковой планъ по всеобщей системѣ браней, въ какія Европа замѣшана, не только не спасъ бы его отъ нихъ, но и восприччинствовалъ бы внезапную ему гибель.

ГЛА-

ГЛАВА XIV.

6.) *Нѣкоторая непоколебимая страсть къ Иройству.*

Она-то, (*) и я не знаю, не можно ли сказать, что она одна, которая владѣетъ Европою съ давнихъ времянъ: она-то есть необузданное рвеніе, стараться наполнять весь свѣтъ своимъ имянемъ, и искать обратить на себя взоръ Европы: и которая есть источникъ нашихъ браней.

Кромвель, Карлъ XII. и многіе другіе Ирои, извѣстные только по однимъ ихъ опустошеніямъ, причиненнымъ нашей землѣ, почитаются всегда за образцы, коимъ слѣдуютъ.

А по тому-то всякъ, желая гремѣть равнымъ образомъ какъ и они, дѣлаетъ столько же и зла въ свѣтѣ, какъ они, и проч.

ГЛА-

(*) Посмотри въ нынѣшней исторіи на великое число Ироевъ, бывшихъ во всякомъ государствѣ, которые забывали пектися о благѣ всеобщей

ГЛАВА XV.

7) Рвенїе къ возвеличїю, примѣчаемое въ тѣхъ, кои управляютъ государствами.

Однако должно въ семъ случаѣ отдать справедливость большой части монарховъ: совсѣмъ не они, въ теченїе вѣка сего, подвергали все въ Европѣ огню и мечу: пороки ихъ обыкновенно только служатъ личиною для прикрытїя пороковъ, другимъ принадлежащихъ: страсти ихъ никогда почти не ихъ собственныя, но обыкновенно ихъ министровъ, сихъ человѣковъ, жаждущихъ честей, чиновъ, отличностей, сихъ человѣковъ, кои, будучи отъ провидѣнїя государямъ даны для ихъ вспомоществованїя въ понесенїи бремени правитель-

---

Республики для того, дабы, довлетворя тщеславїю своему, прославиться въ свѣтѣ. Исторїя о великихъ мужахъ ничто другое почти есть, какъ исторїя о возмутителяхъ политическаго нашего свѣта.

тельства, сами еще обременяютъ сіи правительства для того, что брани, коихъ они всчинаютъ, всегда полезны личнымъ ихъ прибыткамъ: да и всѣмъ извѣстно, что они всегда находодятъ довольно причинъ къ начатію войны.

Безъ нихъ, противъ одного воинственного Государя, политической нашъ свѣтъ имѣлъ бы сто миролюбивыхъ монарховъ: для одного Александра, нашлося бы въ Европѣ сто Августовъ.

Если бы предоставлена была Государямъ свобода мыслить, если бы имъ позволено было разсуждать и поступать такъ, какъто предоставлено прочимъ человѣкамъ, если бы они были властны слѣдовать благодѣятельнымъ своимъ побужденіямъ, предаваться соболѣзнованію и человѣколюбію естественному, которое вообще образуетъ главной ихъ характеръ; то бы земля была обиталищемъ мира и тишины.

Тогда-бы кучи людей безпокойныхъ и лукавыхъ, коими Дворы преисполнены, не возмогли смущать землю нашу.

Если

Если бы Государь былъ миролюбивый, то-бы частное министровъ щастїе, которое почти всегда основано на общей гибели народовъ, имѣло тогда свои предѣлы, и честолюбїе ихъ свои границы. Министръ никогда столько не бываетъ полезенъ государству, какъ когда оно находится въ опасности, и когда приближается часъ его паденїю.

Въ сїе-то время вышняя власть со всѣмъ почти переходитъ въ его руки, и тогда-то онъ качество министра перемѣняетъ въ качество Государя.

Тогда только повелѣваетъ онъ, яко властелинъ, и тогда-то подданные повинуются ему, яко рабы. Въ то время все ему покоряется, и ничто не противоборствуетъ. Но въ мирное время, когда каждая часть политической и гражданской власти находится на своемъ мѣстѣ, министръ не смѣетъ преступать границъ своей должности и выходить изъ предѣловъ своего званїя.

Сверхъ того, миръ, поселяющїй въ разумѣ Государей спокойствїе и тишину, приводитъ ихъ въ состоянїе разсмотрѣть

нѣкоторые безпорядки, кои въ смутныя времяна всегда сокрыты бываютъ отъ ихъ очей. Однимъ словомъ, Государи въ военное время всегда значатъ менѣе, нежели въ мирное и тихое.

Во время народныхъ возмущеній, министры въ наивеличайшую приводятъ дѣятельность страсти тѣхъ, у коихъ они намѣрены покупать голоса, которыхъ они во множествѣ и получаютъ отъ тварей всякихъ чиновъ и званій.

Какъ война представляетъ великой театръ, на которомъ всякъ изъ знатнѣйшихъ чиновъ играетъ свою роль, и что вышшее дворянство получаетъ на ономъ почести и отличности, коихъ всегда министры раздѣляютъ, то сіи чрезъ то самое и приобрѣтаютъ болѣе уваженія и знаменитости.

Цѣлыя общества въ государствѣползаютъ предъ ними, поелику, въ смутныя сіи времяна, имѣютъ они въ своихъ рукахъ всѣ государственныя доходы, или что все одно, могутъ дѣлать съ оными такой оборотъ, какой имъ заблагоразсудится. Да и противъ одного высокомѣрнаго

Государя сто человѣкъ сыщется въ государствѣ, кои также высокомѣрны. Противъ одного самодержавца, хотящаго учиниться великимъ, есть сто министровъ, желающихъ также возвеличиться.

Я съ особливымъ читалъ вниманіемъ всѣ записки тайныя и явныя, касающіяся до Европейскихъ смятеній, съ пятогонадесять вѣка, и въ нихъ нашелъ, что исторія о всеобщихъ войнахъ нашей части свѣта ничто другое есть, какъ исторія о частныхъ министровъ страстяхъ. (*)

Ненависть Мазарина къ Конде великому подвергала во Франціи все огню и мечу. Да и всѣ войны, произходившія во время правительствованія министра сего, были одни только виды, служившіе ко прикрытію его мщенія.

Споры

(*) Всѣ между Франціею и Германіею произходившія войны, въ теченіе болѣе ста лѣтъ, начались отъ ненависти, какую Кардиналъ Ришелье имѣлъ къ Австрійскому дому. Страсть сія была причиною той вражды, которая заставляла проливать много крови съ обѣихъ сторонъ.

Споры между Колбертомъ и Лувоа, бывшія во время правленія Людовика XIV. служили посредственною причиною для многихъ браней: или по крайней мѣрѣ, были поводомъ къ продолженію тѣхъ, кои возбуждаемы были другими государственными причинами. Сей Государь, сколько впрочемъ ни былъ проницателенъ, обманулся однако въ ихъ замѣшательствахъ. И ежели разсмотрѣть другія начальства, можно также найти, что самое то, что случилось съ Франціею, случалось и со всѣми другими въ Европѣ государствами.

ГЛАВА XVI.

Война, въ какой-бы части Европы ни производилась, касается до всѣхъ государствъ.

Поелику со времяни воспослѣдовавшей въ Европѣ связи, каждое государство зависитъ одно отъ другаго: то они въ случающихся общихъ несогласіяхъ пріемлютъ всѣ и участіе. Теперь никакъ не можетъ быть дѣйствительнаго Нейтралитета

между политическими властями: и то, что теперь разумѣютъ подъ симъ словомъ есть одно только имя употребляемое для выраженія вещи, совсѣмъ не существующей.

Не всегда, производящія государства войну наиболѣе претерпѣваютъ бѣдствій отъ войны; но часто и тѣ, которыя, какъ кажется, не пріемлютъ ни какаго въ томъ участія, наиболѣе въ ней участвуютъ. Тщетно, самыя отдаленнѣйшія государства отъ театра браней, думаютъ быть отъ нихъ безопасными: противолежащій ударъ золъ, причиняемыхъ сими бранями, поражаетъ равнымъ образомъ какъ ихъ такъ и другихъ. Однимъ словомъ, какъ со времяни соединенія всѣхъ государствъ во всеобщую Республику, сцена браней также содѣлалась общею; то всѣ народы равномѣрно играютъ въ оной какую нибудь роль, хотя они притомъ и не бываютъ видимыми Актерами: надобно только коснуться самой о томъ причины. Взаимное сообщеніе народовъ Европейскихъ, произвело такія нужды, о коихъ прежде со всѣмъ не вѣдали.

До-

Доведенное теперь до совершенства рукодѣліе образовало, нѣкоторымъ образомъ, вторую натуру у Европейцовъ: они безъ нее не могутъ болѣе пробыть.

Въ связѣ новой сей системы достойно примѣчанія то, что оная есть таковаго качества, что одинъ народъ, снабдѣвая другаго вещами, безъ коихъ онъ болѣе не можетъ обойтися, вспомоществуетъ въ нуждахъ житейскихъ пространству его земли на двѣ стѣ миль. Ежели теперь разсудить о новыхъ общихъ нуждахъ народовъ Европейскихъ, то найдется, что всѣ правительства связаны между собою рукодѣліями.

Сообщеніе между народами есть теперь такое, что, ежели война наноситъ ударъ рукодѣлію и торговлѣ въ одномъ государствѣ, непремѣнно и всѣ другія его чувствуютъ: да и не могутъ быть частныя бѣдствія въ разсужденіи политическихъ несогласій, и въ какой бы части Европы война ни произходила, вся однако Европа чувствуетъ слѣдствія оной. Познаніе новыхъ взаимообразныхъ нуждъ всеобщей Республики содѣлываетъ теперь наи-

существеннѣйшую часть нынѣшней Политики.

Весьма сожалительно, что сїя наука со всѣмъ почти не извѣстна тѣмъ, кои мѣшаются править государствами: и если бы оная могла когда нибудь проникнуть въ кабинеты Государей, то можно полагать, что мы менѣе видѣли бы смятенїй; поелику державы узналибы наконецъ, что, препятствовать частнымъ войнамъ, есть дѣло, касающееся до ихъ общей пользы. Изъ множества примѣровъ, коихъ бы я могъ здѣсь привести въ доказательство тому, что самыя отдаленнѣйшїя войны причиняютъ бѣдствїя и тѣмъ государствамъ, кои, какъ кажется, никакаго не прїемлютъ въ томъ участїя, приведу только одинъ, которой случился въ наши времяна предъ нашими же глазами. Послѣднее нападенїе Короля Прускаго на Саксонїю причинило Францїи великой вредъ. Прускїя войска, не выходя изъ сего Курфиршества, нанесли убытку на многїе милїоны городу Лїону (*). Да они можетъ быть

(*) Купцы принуждены были воротить назадъ всѣ свои товары, которые назначены были на ярмаркъ въ Лейпцигъ.

быть столько же вреда причинили сей монархіи, сколько и на томъ мѣстѣ, гдѣ самое произходило дѣйствіе. Но безпорядокъ сей не одной Франціи былъ вреденъ: онъ коснулся и до всѣхъ государствъ; ибо одна монархія не можетъ претерпѣвать знатнаго урону, безъ того чтобъ и окружающіе ея сосѣдніе народы не возчувствовали онаго въ равной мѣрѣ. И такъ, хотя дѣйствіе кровопролитныхъ браней произходитъ весьма далеко отъ нѣкоторыхъ народовъ, однако они не менѣе чувствуютъ ихъ слѣдствія : да и можно, въ нѣкоторомъ смыслѣ сказать, что пушечное ядро, убивающее Сѣверныхъ народовъ, причиняетъ раны и Южнымъ.

ГЛАВА XVII.

Переговоры, чинимыя для соглашенія общихъ намѣреній Державъ, не могутъ доставить Европѣ мира.

Хотѣли было возстановить общую тишину, по средствомъ соглашенія политическихъ пользъ Государей : но до сего

можетъ быть Политика никогда не достигнетъ.

Проектъ о доставленіи каждому государству древнихъ его правъ, и объ удовлетвореніи всѣхъ притязаній самодержавцевъ, содѣлался теперь неудобосовершимымъ.

Для сего, надобно разобрать машину Европы, отдѣлить ея части одни отъ другихъ, и разложить ихъ по своимъ мѣстамъ: однимъ словомъ, должно перемѣнить теперешній порядокъ вещей, то есть, все испровергнуть.

Скорѣе можно отвести теченіе рѣкъ къ ихъ источникамъ, нежели иныхъ склонить народовъ къ уступкѣ того, что они пріобрѣли или завоевали отъ другихъ, лукавствомъ, насиліемъ или другимъ какимъ нибудь образомъ: и самой миротворческой духъ не можетъ имѣть въ томъ успѣха.

Политическія связи со всѣмъ неперемѣняютъ людей: первыя могутъ, правда, заставить людей менѣе быть справедливыми, нежели каковымы бы они быть могли; но никогда сіи связи не могутъ людей содѣлать болѣе справедливыми, нежели

какъ

какъ они, въ самомъ дѣлѣ, расположены къ тому отъ природы.

Теперь не спрашивается о томъ, по какой причинѣ кто чемъ владѣетъ; довольно уже того, что тѣмъ владѣетъ.

Желаніе приобрѣтать и владѣть, сказано на своемъ мѣстѣ, есть изо всѣхъ сильнѣе: оно такъ неразрывно связано съ человѣкомъ, что и самыя средства, употребляемыя для истребленія онаго, всегда почти споспѣшествуютъ ко усугубленію онаго.

Не нужно представлять другихъ тому примѣровъ, кромѣ тѣхъ, кои изъ опытовъ всего свѣта могутъ быть почерпнуты.

Безпрерывно продолжавшіеся переговоры, коихъ предмѣтъ стремился къ прекращенію Европейскихъ несогласій, служатъ убѣдительнымъ доказательствомъ тому, что не можно до сего никоимъ образомъ достигнуть.

ГЛАВА XVIII.

Миръ Европы не можетъ иначе произведенъ быть въ дѣйство, какъ по долговремянномъ перемиріи.

Ежели мы видимъ народы, сохранявшіе прежде чрезъ многія вѣки миръ , но которые вдругъ принялись за оружіе одни противу другихъ; то не должно думать, чтобы это было слѣдствіе слѣпаго случая; но много протекло времяни , какъ общія причины , къ таковому предпріятію , ихъ наклоняли.

Ибо, поелику не случается того, чтобы вдругъ пресѣкся миръ, а война внезапно началась, то не бываетъ и того, что бы въ одну минуту кончилась война, а во мгновеніе ока насталъ миръ. Система сія таковаяже должна быть и для всеобщей Республики, которая не можетъ вдругъ переходить отъ одной крайности до другой: и въ семъ можетъ-быть только случаѣ удобно сравнить можно политическое тѣло съ человѣческимъ, которое отъ

отъ болѣзней не вдругъ приходитъ въ силу, и коего здоровье зависитъ отъ многихъ осторожностей и предохранительностей. Европа, такъ сказать, никакъ не предуготовлена къ миру: и Политика не употребляла еще никакихъ средствъ, долженствующихъ ее къ оному сопровождать.

Со времяни продолжительныхъ общихъ браней, множество малыхъ владѣній безо всякой находятся силы: многіе народы чрезвычайно слабы и немощны: а нѣкоторые совсѣмъ стѣснены. Большая часть изъ членовъ всеобщей Республики, такъ сказать, разслаблены; должно сперва привести ихъ опять въ естественную ихъ силу.

А по сему можно заключать, что общая тишина не иначе возстановиться можетъ, какъ когда Европа, отложивъ на долгое время оружіе, поставитъ на свое мѣсто каждую часть общей силы.

Дабы всѣмъ государствамъ Европы содѣйствовать единодушно въ возстановленіи вѣчнаго мира, то должно прежде учредить, посредствомъ продолжительнаго перемирія, равновѣсіе властей во всѣхъ государствахъ.

Сис-

Системы не должны прямо стремиться къ предположенному ихъ предмѣту.

Политика имѣетъ можетъ-быть теперь нужду въ тѣхъ самихъ снизхожденіяхъ и предосторожностяхъ, каковыя иногда съ пользою употребляетъ нравоученіе, которе, для наклоненія человѣковъ къ добродѣянію, скрываетъ иногда тотъ путь, по коему оное ихъ ведетъ къ сей добродѣтели.

Миръ Европы зависитъ теперь можетъ быть столькоже отъ нравственныхъ причинъ, сколько и отъ политическихъ системъ.

Гоненія, мщенія, вражды общія между народами, произшедшія отъ продолжительныхъ браней, въ теченіе цѣлаго вѣка, не могутъ быть истреблены однимъ только предложеніемъ мира.

Страсти, производящія споры въ разсужденіи пользъ, такъ же не разрушатся чрезъ то самое: излѣчить же ихъ тѣмъ труднѣе, поелику они неразрывно съ человѣческимъ сердцемъ сопряжены. Миръ Европы не можетъ быть дѣйствіемъ мгновенной системы; но должно его вво-

вводить постепенно: и что бы произшествіе сіе само собою воспослѣдовало естественнымъ порядкомъ, равно какъ и всѣ другія бываютъ въ свѣтѣ.

Общее перемиріе, или отложеніе оружія на двадцатъ лѣтъ, между всѣми политическими властями, подало бы каждому государству мысли относящіяся къ миру, а чрезъ сіе самое могли бы они достигнуть и до оного.

Пусть приводятъ въ примѣръ честолюбіе нѣкоторыхъ Монарховъ, коихъ не можно привести ко святой умѣренности.

Ежели судить о семъ естественно, то Государи сотворены таковыми же, какъ и прочіе люди. Миръ, а равнымъ образомъ и война есть дѣло въ привычку вошедшее: одно и другое зависитъ отъ перваго движенія. Ежели взойтить къ первымъ причинамъ смятеній, съ самаго сотворенія свѣта; то можно открыть, что всѣ они образовались постепенно, такъ какъ постепенно же и рушились.

Не надобно однако вѣрить, что бы Государи, нашедшія себя принужденными вступить въ войну, по силѣ общей системы, ко-

которую они застали прежде ихъ уже установленною, легко могли возстановить миръ. Надежды и отрады таковой не можно надѣятся отъ ихъ царствованія (*), и все то, что они возмогутъ здѣлать наиполезнѣйшаго для рода человѣческаго, будетъ состоять только въ томъ, что предуготовятъ потомство къ достиженію до сей толь желаемой тишины общей.

ГЛА-

(*) Изо всѣхъ мирныхъ постановленій, какія чинимы были въ теченіе вѣка сего, ни одинъ самодержецъ не имѣлъ щастія зрѣть ихъ твердыми и ненарушимыми: общее спокойствіе никогда не было прочно, поелику несогласія оставались, въ самомъ дѣлѣ, всегда одинаковыми. Междувремія, полагаемыя отъ мира до войны, служили ни къ чему иному, какъ ко употребленію средствъ для пріобрѣтенія новыхъ силъ, дабы съ большимъ еще жаромъ учинить нападеніе, нежели прежде. Однимъ словомъ, самыя системы ничто другое были, какъ новыя пособія, служившія для начатія сызнова войны.

ГЛАВА XIX.

О возраженіи, какое можно учинить противъ сей системы перемирія.

Скажутъ, но въ состояніи ли Европа возложить на себя бремя таковаго закона? и общее перемиріе, въ разсужденіи несоразмѣрія силъ, находящагося дѣйствительно во властяхъ разныхъ государствъ, не подвергаетъ ли оно уже всеобщей Республики гораздо еще большей опасности нежели той, какой бы ей должно было убѣгать?

Я отвѣчаю, что, какая бы связь частныхъ политическихъ властей теперь ни была, вещь сія сама по себѣ равнодушна.

Ежели общее отложеніе оружія будетъ однажды произведено въ дѣйство, то не будутъ уже болѣе существовать власти, или лучше сказать, всѣ власти будутъ между собою равны.

Какъ сила каждаго государства состоитъ въ его Арміяхъ, кои будутъ тогда находиться безъ дѣйствія; то, по существен-

твенности самой вещи, ни одно государство не будетъ слабо, поелику не будетъ ни одного такого, которое-бы могло здѣлаться сильнѣе другаго. Да и въ самомъ дѣлѣ, всѣ мирныя договоры суть ничто другое, какъ одни только отложенія оружій; великое только нещастіе притомъ бываетъ то, что никогда времяни оному не опредѣляется, а безпрестанно о вѣчномъ мирѣ рѣчь идетъ. Таковой способъ выраженія въ Политикѣ, весьма не ограниченъ и не опредѣленъ; но точное выраженіе и односмысленное непремѣнно-бы скорѣе успѣло въ воздѣйствіи вѣчнаго мира.

Что мирныя договоры не содѣлали еще по сіе время конца войнамъ, причина сему есть та, что оные всегда предоставляли вольность правительствамъ, приниматься опять за оружіе, когда имъ заблагоразсудилось, и что никогда не было учинено общаго и опредѣлительнаго соглашенія между всѣми Государями, возстать купно всѣмъ противъ того, ктобы только первой осмѣлился, подъ какимъ бы то видомъ ни было, приняться за оружіе, и чрезъ то самое угнѣтать его, такъ сказать, всею тяжестію Европы.

Если бы съ самихъ первыхъ несогласій, произшедшихъ между государствами, существовало таковое условіе, то-бы политической нашъ свѣтъ не претерпѣлъ бы сего множества бѣдствій отъ браней, которыя его съ того времяни безпрестанно опустошали.

Но скажутъ еще наконецъ, что проектъ о всеобщемъ отложеніи оружій, менѣе ли подверженъ затрудненіямъ, нежели проектъ о рѣшительномъ мирѣ?

Всеконечно, отвѣчаю я; поелику отложеніе оружій единственно только ограничивается однимъ отложеніемъ оружій.

На общемъ Конгресѣ, установленномъ для рѣшительнаго мира, должно бы было сперва начать съ того, чтобы доставить каждому Государю его права, и отдать однимъ то, что другіе отняли у нихъ насильно; а сіе, какъ мы сказали, по видимому есть теперь не возможное дѣло. Напротивъ того проектъ объ одномъ только отложеніи оружія, оставляя каждое государство при дѣйствительномъ его владѣніи всего того, что ни имѣетъ, склонитъ всѣхъ ихъ единодушно ко принятію сего

проекта; ибо съ государствами тоже самое, что и съ частными случается людьми, кои всегда бываютъ расположены къ полюбовнымъ здѣлкамъ, ежели вдругъ всего отъ нихъ не требуется.

Единое средство, какое можетъ-быть теперь остается Политикѣ для начатїя великаго сего дѣла, а имянно, для возстановленїя общаго Европейскаго мира, есть то, что бы истребить всѣ затрудненїя, кои дѣлаютъ великїя остановки въ переговорахъ, производимыхъ на конгресахъ, и которыя (ежели сперва до половины не кончатся) развѣ только при концѣ свѣта пресѣкутся.

Монархи не могутъ содѣйствовать во утвержденїи общаго блага, ежели не оставятъ на время попеченїй о частныхъ своихъ пользахъ: а посему не очень трудно бы было доказать, что сїе отложенїе оружїй, доставя каждому правительству равную власть, заставило-бы чрезъ то каждое политическое общество вступить въ первобытное его состоянїе силы и могущества.

Госу-

Государства, по одному только между собою сравненію, сильны или слабы. Если бы не было ни одного въ Европѣ народа, которой бы могъ равняться своими силами Франціи, то бы сія монархія находилась на высочайшемъ степени могущества, до какого-бы она когда либо достигнуть могла.

Отложеніе оружій уравнило-бы всѣ народы одни противу другихъ: тогда-бы не было уже болѣе слабыхъ государствъ, поелику главное начало силы оставалось бы неподвижно и безъ дѣйствія.

ГЛАВА XX.

Всѣ Государи должны однако имѣть Арміи.

Здѣсь совсѣмъ не говорится о томъ, чтобы государства обезоружены были; ибо уничтожить воинскую систему, значило-бы, все испровергнуть.

Непремѣнно нужно, чтобы каждой народъ имѣлъ относительную силу, безъ

которой не могутъ быть политическія общества.

А дѣло идетъ только о томъ, чтобы, прекратя на нѣсколько времяни брани, дать естеству паки оживотвориться, и отложить на сторону мечь, посѣкающій народы съ давнихъ времянъ.

Равнымъ образомъ и о томъ, чтобы исторгнуть множество народа изъ рукъ смерти: однимъ словомъ, чтобы приостановить на время общее сіе буйство, истреблять другъ друга, и, прервавъ цѣпь осадъ и сраженій, нечувствительно приучать народы къ миролюбію.

ГЛАВА XXI.

Война или миръ должны быть общія.

Ничто не подвергаетъ болѣе опасностямъ всеобщую Республику, какъ частныя войны; ибо тогда малое число изъ народовъ, кои, по установленіи у себя воинской системы, здѣлаются наконецъ воинами, весьма удобно можетъ завоевать другіе на-

народы, которые состоятъ изъ однихъ только мѣщанъ.

Сей-то самой системѣ обязаны Римляне за всесвѣтную свою монархїю: самыя войны, производимыя ими сначала съ нѣкоторыми народами, предуготовляли имъ побѣды и впредь тѣмъ удобнѣе, что частныя государства, надъ коими они одерживали сїи побѣды въ послѣдствїи времянъ, совсѣмъ никакаго не принимали участїя въ общихъ спорахъ.

Дабы всѣмъ народамъ равномѣрно быть въ состоянїи, защищать политическую свою вольность, то должно всѣмъ имъ слѣдовать одному и тому самому плану воинскому.; безъ чего, ежели одни станутъ усиливаться, а другїе ослабѣвать, то непремѣнно тиранство начнетъ вкрадываться, и отъ одного государства переходить къ другому.

Ежели прямо разсмотрѣть то преимущество, какое одни государства имѣли предъ другими, и коихъ мѣстоположенїе и естественныя выгоды, въ разсужденїи державъ остававшихся въ низкости, несравненно были превосходнѣе; то можно найти,

ти, что сіе преимущество воспослѣдовало отъ той системы, по которой они за нужное считали, находиться въ бездѣйствіи, какъ между тѣмъ движеніе одно могло поддерживать пользы и прибытки, или по крайней мѣрѣ сохранить равновѣсіе.

Должно бы, по общей порядочной Политикѣ, чтобы всѣ государства Европейскія вели безпрестанныя между собою брани, или всегда пребывали въ мирѣ.

Но какъ первое совсѣмъ неудобоисполнимо; (*) то единая система, оставшаяся для всеобщей Республики, есть система та, чтобъ пребывать въ мирѣ.

Здѣсь

(*) Малыя государства вдругъ бы истребились, если бы вознамѣрились вступить въ общія брани: ибо хотя бы сіи государства, въ разсужденіи собственной ихъ слабости, и могли быть завоеваны большими, однако они и тогда бы нѣкоторымъ образомъ существовали; но сего бы уже совсѣмъ не было, если бы они сами принялись за оружіе: а посему Политика ихъ должна состоять въ томъ, чтобъ не стараться выходить изъ слабаго своего состоянія.

Здѣсь не спрашивается о политическомъ народномъ правѣ государствъ, которое почти всегда въ военное время нарушается; ни объ истребленіи рода человѣческаго, совсѣмъ противуборствующемъ праву Естественному, а часто и Божескому; ни о замѣшательствахъ общихъ, сопровождаемыхъ войною и совсѣмъ противныхъ общему благоустройству и доброму порядку частныхъ правительствъ; но я говорю здѣсь о дѣлѣ, совсѣмъ различномъ отъ сихъ слѣдствій, и проч.

ГЛАВА XXII.

О пользахъ, какія каждое Европейское государство особо можетъ почерпать отъ твердаго и ненарушимаго мира.

Хотя и говорятъ, что всеобщая Политика со всѣмъ не заботится о сихъ пользахъ, когда она намѣрена бываетъ основать частное могущество какого нибудь государства по средствомъ оружія; однако не только не достигаетъ она чрезъ

то до собственнаго своего намѣренія, но и сама собою разрушается. Весьма удивительно, что съ самаго введенія системъ не опредѣлили и не изтолковали той вещи, на которой всякой день установляютъ новыя системы; да и самыхъ искуснѣйшихъ и способнѣйшихъ Политиковъ Европейскихъ можно упрекать тѣмъ, что они по сіе время не узнали предмѣта собственныхъ своихъ умозаключеній.

Всегда тщетно умствовать будутъ о Политикѣ, ежели не утвердятъ перваго начала. Необходимо нужно, чтобы всѣ доказательства какому нибудь дѣлу происходили отъ твердаго и непоколебимаго начала или положенія.

Могущество Европы не въ одномъ состоитъ воображеніи; (*) но дѣйствительность

(*) Доказано на своемъ мѣстѣ, что не все равно, ежели сіе могущество будетъ находиться на какомъ нибудь степени; правда, что на всегда остается въ силѣ своей великое сіе возраженіе, какое могутъ чинить тѣ, кои замыкаютъ все въ относительныхъ системахъ, о которыхъ мы прежде говорили; то есть, что нѣтъ теперь на свѣтѣ никакаго политическаго могущества, которое бы равняться

ность онаго всеконечно существуетъ. Сила политическаго сего тѣла состоитъ въ числѣ его жителей, которое можетъ гораздо быть болѣе въ одномъ вѣкѣ какъ въ другомъ.

Но сія самая сила можетъ однако же умножаться или уменьшаться. Она подвержена перемѣнамъ, такъ какъ и частныя государства: не нужно мнѣ болѣе выводить изъ того послѣдствій.

Не металы споспѣшествуютъ общему размноженію народа. Какая бы всеобщая сумма Европейскихъ богатствъ ни была, то оная сама по себѣ ничего не значитъ. (*)

могло Европейскому: и что до какого бы степени оное ни простиралось, то все равно. Однако неистинность сей системы можно ясно доказать; ибо, поелику въ самомъ дѣлѣ всякой человѣкъ самъ собою имѣетъ, какъ то также сказано выше сего, внутреннюю силу, то чемъ болѣе число людей, тѣмъ болѣе и сила сія усугубляется. Система изчисленія подтверждаетъ сію истинну: ежели 50. менѣе 100., то общее могущество, составленное изо ста милїоновъ жителей превосходнѣе того, которое только состоитъ изъ пятидесяти милїоновъ.

(*) Хотя система, по которой размноженїе народа въ каждомъ государствѣ основывается

Золото и серебро суть общая мѣра всѣмъ вещамъ.

Мѣра сія (до какой бы впрочемъ ни простиралась цѣны общая сумма богатствъ) всегда будетъ одинакова, поелику представляемыя вещи соображаются общему количеству металовъ. (*)

Худо-

на количествѣ его доходовъ, есть въ одномъ смыслѣ точно справедливая; но и то, что мы теперь намѣрены сказать, не менѣе же того правильно: и вотъ изъясненіе наше дѣлу сему, которое кажется быть невѣроятнымъ: ежели одно частное государство привлечетъ къ себѣ богатства другаго, посредствомъ своей торговли, или посредствомъ своего рукодѣлія, то оно чрезъ сіе самое можетъ умножить, да обыкновенно и умножаетъ число жителей; но въ тоже время государство сіе непремѣнно уменьшаетъ число жителей другаго; а по сему общее разумноженіе народа ничего чрезъ то не выигрываетъ. Общее распространеніе всего сея земли племяни, слѣдуя въ случаѣ семъ количеству доходовъ, перемѣняетъ, такъ сказать, одно только мѣсто, никакъ не усугубляясь.

(*) Золото и серебро, говоритъ Монтескію, суть вымышленныя богатства или знаки, кои весьма прочны и почти неразрушимы, смотря по ихъ свойству.

Но чемъ болѣе сіи металы умножаются, тѣмъ менѣе становится ихъ цѣна, поелику они менѣе представляютъ вещей.

Художества и рукодѣлія, сами собою, не лучше споспѣшествуютъ общему разумноженію народа: они могутъ, правда, своими успѣхами умножить число людей въ однихъ государствахъ; но число оныхъ тогда же уменьшается въ другихъ.

Можно

Гишпанцы, съ самаго завоеванія Мексики и Перу, оставили естественныя свои богатства для того, дабы приобрѣсть богатства мнимыя, или знаки, кои сами собою унижаются. Золота и серебра весьма мало было въ Европѣ: и Гишпанія, завладѣвъ вдругъ великимъ количествомъ сихъ металовъ, возъимѣла такую надежду, какой никогда отъ нихъ себѣ не чаяла.

Богатства, найденныя въ завоеванныхъ земляхъ, не были однако соразмѣрны богатствамъ рудниковъ ихъ. Индійцы спрятали часть оныхъ; и сверхъ того народы сіи, употреблявшіе золото и серебро единственно только на украшеніе храмовъ Божіихъ и палатъ Царскихъ, не искали ихъ съ такою жадностію, какъ мы: они также не знали и того искуства, чтобъ вынимать металы изо всѣхъ рудниковъ; но только изъ тѣхъ, въ коихъ отдѣленіе производилось огнемъ, незная притомъ и способа, какъ употреблять Меркурій, а можетъ быть и самаго Меркурія.

Однако деньги весьма скоро въ Европѣ умножились; а потому и все то, что ни покупается на оныя, скоро же потомъ удвоилось цѣною.

Можно сказать, что разселенїе народа, сображающееся всегда успѣхамъ рачительности въ рукодѣлїяхъ, странствуетъ въ Европѣ, никогда не умножаясь; ибо, ежели одно государство разумножаетъ художества

Гишпанцы прїискивали рудники, разрывали горы, изобрѣтали машины, разрушали и отдѣляли минералы; и какъ сей народъ изъ жизни Индїйцовъ содѣлывалъ игрушку, то и заставлялъ ихъ безъ пощады работать. Деньги удвоились въ Европѣ и прибыль Гишпанцовъ всегда уменьшалась, потому что они получали всякой годъ тоже самое количество метала, котораго цѣна въ половину уменьшалась. По усугубленїи времяни и деньги также удвоились, а прибыль еще въ половину низпала, а можетъ быть и болѣе, и вотъ какимъ образомъ:

Для выниманїя золота изъ рудниковъ, для надлежащаго его приуготовленїя и для перевозу онаго въ Европу, нужно было имѣть нѣкоторую пропорцїю или соразмѣрность. Я полагаю, что пропорцїя сїя содержалась какъ 1. къ 64. Ежели же оная удвоилась и слѣдовательно содѣлалась въ половину менѣе цѣною, то издержки были или содержались какъ 2. къ 64. И такъ на многочисленныхъ корабляхъ, на коихъ доставлялось въ Гишпанїю тоже самое количество золота, приводима была такая вещь, которой цѣна дѣйствительно въ половину уменьшилась, а стояла въ половину болѣе.

ства и рукодѣлія, то они, въ равной мѣрѣ, приходятъ въ упадокъ у другаго народа. Слѣдовательно различіе состоитъ только въ мѣстѣ.

Мы

Ежели двойную сію прогрессію продолжить, то можно по оной найти причину маловажности Гишпанскихъ богатствъ. Уже около двухъ вѣковъ, какъ работаютъ въ Индійскихъ рудникахъ. Я полагаю, что количество денегъ, какое теперь находится въ свѣтѣ, производящемъ торговлю, содержится къ количеству, бывшему прежде обрѣтенія сихъ рудниковъ какъ 32. къ 1., то есть, что оно умножилось въ пять разъ болѣе: чрезъ двѣстѣ же лѣтъ, самое сіе количество будетъ содержаться къ количеству, бывшему до обрѣтенія рудниковъ Индійскихъ какъ 64: къ 1. то есть, что оно умножится въ десять разъ болѣе.

Пятдесять центнеровъ золотой руды даютъ теперь четыре, пять и шесть унцій сего метала, а когда только будетъ изъ того двѣ, то рудокопъ единственно только вознаградитъ свои издержки: слѣдовательно весьма мало прибыли съ золота. Тоже самое можно сказать и о серебрѣ, выключая только то, что работа надъ серебренными рудниками нѣсколько прибыльнѣе, нежели надъ золотыми.

Естли-бы теперь нашли рудники толь изобильныя, чтобы они болѣе обыкновеннаго приносили прибыли; то чемъ болѣе они бу-

Мы дѣйствительно имѣемъ въ Европѣ доказательство тому, что я здѣсь предлагаю.

Успѣхи въ рукодѣлїяхъ, умножившихъ народъ въ иныхъ государствахъ, кои прежде имѣли мало жителей, знатно уменшили число народа во многихъ другихъ. Наприм: промыслъ и рукодѣлїе Голландцовъ опустошило Австрїйскую Фландрїю: города Антверпенъ, Брюксель, Малинъ, Дипръ также лишились чрезъ то самое многихъ жителей. Земли сїи почти что не имѣютъ болѣе жителей, съ того времяни, какъ семъ Голландскихъ областей, посредствомъ торговли, знатно умножились людьми.

Тоже самое случилось и въ Англїи: число ея жителей умножалось на щетъ тѣхъ

дутъ изобиловать, тѣмъ скорѣе прибыль кончится. *О разумѣ законовъ, Гл. XVIII. Кн. XXI.*

Что славной сей писатель ни говорилъ о Гишпанїи, можно принаровить тоже самое и къ цѣлому Европейскому тѣлу, разумѣя о немъ яко о всеобщей Республикѣ, состоящей изъ одного только общества; ибо, ежели въ сїе вникнутъ, то найдутъ, что пропорцїя будетъ таже самая.

тѣхъ государствъ, въ коихъ монархія сія уменьшала рукодѣлія.

Одно только хлѣбопашество вообще можетъ разумножать народъ, поелику оно доставляетъ людямъ существенную часть пропитанія, которое, споспѣшествуя взаимному и общему ихъ содержанію, есть душа общаго разумноженія народа.

Первому политическому правилу самодержавцевъ слѣдовало бы быть тому, чтобы стараться посредствомъ твердаго и ненарушимаго мира, умножить число рукъ, споспѣшествующихъ умноженію общихъ сихъ жизненныхъ средствъ, вмѣсто того, чтобъ уменьшать оное безпрерывными войнами.

Прибыль, которая бы отъ того для нихъ произошла, есть всѣмъ явственна. Всеобщее могущество несравненно чрезъ то усугубится, и удѣлъ изъ онаго гораздо будетъ знатнѣе для каждаго государства.

Поелику общая война продолжавшаяся дватцать лѣтъ, лишила всеобщую Республику пяти или шести миліоновъ жителей, то потеря сія всегда останется невозвра-

возвратною. Нѣтъ ни одной связи, которая бы могла уравнить сей ущербъ.

Пусть каждое государство въ мирное время опять пріймется за старыя системы; однако убытки, понесенные на войнѣ, чрезъ то не вознаградятся.

Не совсѣмъ не возможно политической Ариѳметикѣ правильно вычислить частныя прибыли, какія получило-бы каждое государство въ продолженіе общаго мира чрезъ цѣлой вѣкъ. (*)

Пок[illegible]йней

(*) Сіе бы не могло иначе въ дѣйство произведено быть, какъ только мысленнымъ вычисленіемъ, выключивъ притомъ прилипчивыя болѣзни, неурожаи хлѣба, землетрясенія и другія бѣдствія, могущія причинить въ Европѣ моръ людей столь великой, какъ и самыя ея войны, и коихъ причины совсѣмъ не могутъ уничтожены быть средствами, какія бы Политика нистаралась употреблять для предупрежденія сихъ бѣдствій.

Сперва нужно бы было для сего самаго, сравнить разныя положенія, то есть теперешнее состояніе всеобщей Республики съ тѣмъ, въ какомъ она можетъ быть по истеченіи ста лѣтъ проведшихъ въ мирѣ, и по умноженію ея жителей вычислить прибыли и проч.

По крайней мѣрѣ думать должно, что ежели не будетъ болѣе ни у какого народа сей безпрестанной потери людей, причиняемой всеобщими войнами, политическая сила Европы умножится въ десятеро болѣе: и слѣдовательно, сила каждаго частнаго государства также усугубится по соразмѣрности.

Ежели исторія прошедшаго вѣка можетъ служить доказательствомъ для исторіи будущаго вѣка, то я довольно нахожу основанія въ моихъ догадкахъ.

Я съ особливымъ читалъ вниманіемъ общую исторію о войнахъ Франціи, съ окончанія правленія Людовика XIII. даже до нашихъ времянъ, и нашелъ, по числу жителей, коихъ она лишилась отъ преждевременной ихъ смерти, что сія монархія имѣла бы теперь два миліона болѣе Подданныхъ, если бы она приняла за главное начало, соблюдать миръ; а сіе самое совершенно подтверждаетъ все нами вышесказанное, то есть, что если бы всеобщій Европейскій миръ продолжался цѣлой вѣкъ, што бы, въ концѣ сего періода,

сила каждаго государства особенно умножилась въ десятеро. (*)

ГЛАВА XXIII.

Содержащая планъ трактата объ отложенiи оружiя.

Проектъ общаго перемирiя для востановленiя въ Европѣ мира также никогда не будетъ дѣйствителенъ, какъ и всѣ тѣ, кои прежде чинимы были, ежели его съ твердымъ намѣренiемъ не захотятъ принять, и ежели политическiя правительства всегда будутъ властны, употреблять тѣ самыя средства и предлоги, какiя они чинили для содѣланiя недѣйствительными обыкновенныхъ нашихъ трактатовъ.

Мо-

(*) Однако это сказано не въ ограниченномъ смыслѣ; ибо не возможно войти въ подробное описанiе прибылей, коихъ рукодѣлiя и промыслы могутъ доставить въ мирное время, продолжавшiеся цѣлой вѣкъ, всѣмъ тѣмъ государствамъ, которыя будутъ ихъ въ дѣйство производить.

Можно сказать, что общая тишина со всѣмъ теперь зависитъ отъ согласія новаго сего условія: да и должно, чтобы всѣ государства были чрезъ то какъ бы принуждены къ востановленію мира, и чтобы никому не позволялось, въ какомъ бы то ни было случаѣ, производить войну.

Я предлагаю здѣсь переченъ плана объ отложеніи оружія.

Никакъ я не сомнѣваюсь въ томъ, чтобы сочиненіе сіе не причислено было къ тѣмъ изящнымъ химернымъ идеямъ, коихъ дѣйствительность состоитъ только въ одной теоріи.

Съ тѣхъ поръ, какъ общая власть въ каждомъ государствѣ состоитъ въ рукахъ малаго числа людей, кои хотятъ быть источникомъ проектовъ, или по крайней мѣрѣ каналомъ, чрезъ которой всѣ политическія проекты должны протекать, то это было бы чудное явленіе, если бы простой частной человѣкъ издалъ политической проектъ, которой бы они почли за удобосовершимый; ибо изъ того бы слѣдовало, что и простой мѣщанинъ могъ бы имѣть мысли гораздо правильнѣе не-

жели они, а равномѣрно и средства лутчія, какія бы они впрочемъ ни были, или по крайней мѣрѣ, какія-бы простые люди могли выдумать.

Пусть говорятъ, что хотятъ; но я здѣсь совершенно полномоченъ въ собственныхъ моихъ мысляхъ.

Уже я предварилъ читателя, въ предисловіи сего сочиненія, что здѣсь никакъ не спрашивается о личныхъ спорахъ государствъ, дѣйствительно производящихъ войну.

Въ случаѣ, если бы сей проектъ признанъ былъ за средство, годное къ прекращенію общихъ браней, коими нашъ свѣтъ болѣе вѣка превожится, то тогда бы должно было общей Политикѣ произвести въ дѣйство предварительныя способы для окончанія частныхъ споровъ, теперь въ Европѣ существующихъ.

Однимъ словомъ, дѣло идетъ о спокойствіи не одного народа, или нѣкоторыхъ народовъ, коихъ мы видимъ; но о спокойствіи всѣхъ народовъ вообще.

ПЛАНЪ ТРАКТАТА О ВСЕОБЩЕМЪ ПЕРЕМИРІИ.

I.

Должно учредить общій Конгресъ, на которой всѣ Европейскія (*) Государи имѣютъ послать своихъ министровъ для утвержденія общаго отложенія оружій.

II.

Всѣ Государи должны быть порукою сего трактата.

III.

На семъ Конгресѣ не позволяется говорить ни о какихъ другихъ дѣлахъ.

IV.

(*) Не исключая и малыхъ Италїанскихъ Владѣльцовъ и Республикъ, кои обыкновенно не посылаютъ своихъ депутатовъ на другія Конгресы.

IV.

Отложенїе оружїй да будетъ на двадцать лѣтъ.

V.

Надобно въ семъ трактатѣ точно выразить, что въ продолженїе вышесказаннаго времяни ни одной не позволяется державѣ приняться за оружїе противу другой, подъ какимъ то ни было видомъ.

VI.

Въ случаѣ же нарушенїя, общая Республика да объявитъ себя противъ государства вооружившагося.

VII.

Но ежели оное государство упорнымъ образомъ нарушитъ перемирїе сїе, то оно повинно будетъ заплатить всѣмъ вообще Державамъ за всѣ воинскїя издержки, кои они принуждены были чинить для того, чтобы принудить его оставить оружїе.

VIII.

Въ случаѣ вторичнаго нарушенїя, повинно будетъ оно заплатить сорокъ милїоновъ ливровъ всеобщей Республикѣ, кромѣ

кромѣ воинскихъ издержекъ , кои да будутъ раздѣлены между всѣми государствами по мѣрѣ средствъ, употребившихъ ими для предупрежденія войны.

IX.

Но ежели кто либо изъ властелиновъ будетъ настаивать въ томъ, чтобъ имѣть войну, тотъ да будетъ сосланъ изъ Европы на заточеніе (*), до самаго окончанія трактата объ отложеніи оружія.

X.

Волости того Государя , которой посланъ на заточеніе изъ Европы, не должны принадлежать никакой другой частной Державѣ: и сіе государство должно быть почитаемо за такое, которое никакой не имѣетъ политической дѣятельной власти.

XI.

Непремѣнно должно изъяснить въ помянутомъ трактатѣ то , что ни одно государство не теряетъ правъ и притязаній

(*) То есть , да отнимется у него власть во всѣхъ дѣлахъ.

занiй, какiя оно можетъ имѣть и чинить на другое: и что по окончанiи сего трактата, всякое правительство можетъ ихъ обыкновенно требовать посредствомъ оружiя, и проч.

Не безъизвѣстно мнѣ и то множество возраженiй, какiя можно дѣлать противу таковаго Трактата; да и мыслить другимъ образомъ, значило бы, никакого не имѣть познанiя о человѣкахъ, ниже о политическихъ предразсужденiяхъ, кои теперь во всеобщей системѣ находятся.

Ежели теперешнее состоянiе Европы, если всеобщее бѣдствiе народовъ, если опустошенiе многихъ великихъ государствъ совсѣмъ не трогаютъ тѣхъ, кои управляютъ всеобщею Республикою: однимъ словомъ, ежели Государи пребудутъ убѣждены, что война только одна можетъ усугубить ихъ силу и могущество, то препятствiя, въ разсужденiи учрежденiя объ отложенiи оружiй, сначала представятся въ великомъ множествѣ; но ежели сожалѣнiе, правосудiе, справедливость, милосердiе и снизхожденiе къ тому присоб-

сообщатся, то сей Проектъ будетъ одинъ изъ самыхъ легчайшихъ, каковой только Политика могла бы когда либо образсвать.

Пусть ограничатъ себя извѣстнымъ числомъ затрудненій. Въ самой вещи, дѣла государственныя такого свойства, какъ и дѣла частныхъ людей.

И дабы въ томъ воспослѣдовала удача, то надобно ревностно сего искать; иначеже состояніе народовъ будетъ хуже состоянія частныхъ людей.

КОНЕЦЪ.

